

Александр Антонов
Орлы и звёзды

КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ
Альтернативная сага

Александр Антонов
**Орлы и звёзды. Красным по
белому. Альтернативная сага**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838639

ISBN 9785449361141

Аннотация

Впервые альтернативная сага «Красным по белому» издавалась в ЭИ «Аэлита» с 2013 по 2015 годы. Вашему вниманию предлагается первая книга в новой редакции, где, впрочем, сохранились и дальний звук колокола, и Ольгино предчувствие. А своим предчувствиям боец отряда спецназа ВВ МВД с боевым псевдонимом Ведьма привыкла доверять. И не напрасно...

Содержание

Александр Антонов	6
КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ	7
Альтернативная сага	7
Книга первая	8
Орлы и звёзды	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава первая	10
МИХАИЛ	10
ГЛЕБ	17
МИХАИЛ	18
НИКОЛАЙ	21
МИХАИЛ	23
Глава вторая	25
МИХАИЛ	25
НИКОЛАЙ	29
МИХАИЛ	31
ГЛЕБ	32
МИХАИЛ	35
Глава третья	56
НИКОЛАЙ	56
Глава четвёртая	68
ГЛЕБ	68
Глава пятая	81

МИХАИЛ	81
Глава шестая	97
ОЛЬГА	97
Глава седьмая	110
ГЛЕБ	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Орлы и звёзды
Красным по белому.
Альтернативная сага**

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2018

ISBN 978-5-4493-6114-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Антонов

КРАСНЫМ ПО БЕЛОМУ

**Альтернативная сага
(вторая редакция)**

Книга первая

Орлы и звёзды

*Михаилу Житковскому,
крёстному отцу этой саги*

*Им нужны великие потрясения,
нам нужна Великая Россия!*

П. А. Столыпин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Взметнулось пламя. Джин вырвался на волю, разрывая и корёжа всё, что попадалось на пути. Оттолкнулся от дальней стены и устремился к нам. Но не дотянулся, выдохся и исчез, разбросав всё, что успел прихватить. Среди прочего – останки моего друга Коли Ершова...

Глава первая

МИХАИЛ

Васич крепился. Но когда джип, пытаясь разминуться с очередной колдобиной, слегка приложился днищем о твердь земную, с его губ так сорвалось короткое определение, коими так богата ненормативная русская лексика.

– Нет, ну как они тут ездят? – как бы оправдываясь за редкий в его лексиконе мат, произнёс Васич.

– Так они тут и не ездят, – спедалировал на слове «тут» Ёрш. – Они подобные места сбоку объезжают. Видишь, колея между сосен?

– Была охота борта царапать, – пробурчал Васич.

Я в этой шутливой перепалке участия не принимал. Будучи самым старшим в компании, а значит самым мудрым, резонно полагал, что так скорее сберегу язык от случайного прикуса.

Преодолев последнюю яму, джип покати́л по относительно ровной дороге и вскоре въехал через гостеприимно распахнутые ворота на территорию того самого, надо полагать, приготовленного Васичем для нас (меня и Ерша) сюрприза. Не обращая ровно никакого внимания на заливающуюся оповестительным лаем шавку – чай опытная, чай сама под

колёса не полезет – Васич не спеша подрулил к деревянному двухэтажному странного вида строению. Дом не дом? Лабаз не лабаз? Наш «коняга» всхрапнул и затих, а мы дружно покинули салон, с удовольствием разминая слегка обленившиеся за поездку ноги на коротко стриженной зелёной травке. Окрест глазу приятно, свободно дыханию и душе радостно. Покинутый утром город последние дни был обласкан солнышком, решившим на исходе Бабьего лета порадовать новосибирцев крайним теплом. Здесь было иначе. Толи от того что солнышко пряталось за кронами ещё не до конца сбросивших листву деревьев, то ли, и даже, скорее всего, от стылого дыхания могучей сибирской реки, мы, не сговариваясь, подтянули молнии на куртках под подбородки. Взгляд направо, взгляд налево: ели, посаженные в два ряда, берёзы, растущие по своему усмотрению, промеж них одноэтажные щитовые домики – и у меня сложилось чёткое представление о свойстве заявленного Васичем сюрприза: сие есть база отдыха, каких немало понастроили в советские времена по берегам Оби крупные новосибирские заводы. Интересно, чьё это сейчас? Осталось за сумевшим выжить заводом, или прихватизировано ушлыми молодцами в лихие постперестроечные годы? Я стал искать глазами новорусские приметы, что-нибудь яркое, крикливое, лезущее в глаза. Ничего такого не обнаружил – вокруг одна гордая бедность: скромно, чисто, опрятно – и порадовался: есть, где ещё отдохнуть простым работягам. Но почему тогда база почти пуста? Мельк-

нувшие в отдалении мужики, оба два, волокли куда-то доски и на отдыхающих походили мало. До верного решения оставалось полшага, когда ход моих мыслей был прерван появлением рядом с джипом нового персонажа. Мужчина, несущий на лице лёгкую улыбку, одетый, как и мы, в камуфляж, обменялся с Васичем крепким рукопожатием, после чего переадресовал улыбку мне и Ершу.

– Знакомьтесь, – открыл церемонию представления Васич, – наш радушный хозяин, Павел Иванович... Михаил Макарович, – это, стало быть, я... – Николай Иванович, – это, стало быть, Ёрш.

Рукопожатие Павла Ивановича было крепким, но без зажима; так, на мой взгляд, должны здороваться все нормальные мужики.

– Пойдёмте, я покажу вам домик, – поманил нас за собой Павел Иванович. – Выбрал для вас самый лучший из незанятых.

– А что, есть занятые? – удивился я.

– А почему нет? – в свою очередь удивился Павел Иванович.

– Так ведь тихо... – Сказал и тут же смутился наивности сказанного. Друзья хихикнули, – будто сами думали иначе – а Павел Иванович – спасибо ему за это! – лишь улыбнулся слегка.

– В двух домиках живут любители рыбалки. Они сейчас на реке, потому и тихо. А шумно здесь бывает в сезон

и по выходным. Если задержитесь – увидите. А вот и ваш домик!

Строение приютилось под боком у огромной ели. Крыльцо под навесом во всю ширину стены. Рядом с дверью мангал.

– Я его специально для вас принёс, – отпирая ключом дверь, пояснил Паша (буду звать его так, а то, пока дождусь брудершафта, о «Павла Ивановича» язык сотру).

Внутри домик был поделён на две половины, разделённые перегородкой с широким проёмом посередине. Слева от двери стоял небольшой холодильник, справа громоздился стол, украшенный двухкомфорочной газовой плитой, от которой тянулся шланг к стоящему на полу большому ярко-красному баллону. Полки в полстены с нехитрой кухонной утварью и ведро под воду на полу. Ещё были замечены два табурета, а третий виднелся за проёмом, сразу перед тумбочкой, за которой тускло отсвечивало стёклами окно, а по обе стороны располагались двухъярусные нары.

– Умывальник на улице, колонка там же, удобства за оградой. Располагайтесь, а я пока за постельным бельём схожу, – направился к двери Паша.

– А я машину переставлю, – устремился следом за ним Васич.

Ну а мы с Ершом, не сговариваясь, – дело привычное – принялись накрывать на стол. Вскоре с улицы послышался нарастающий шум мотора, который достиг максимального

рыка где-то справа от домика. Джип Васича пару раз торжественно взревел, потом обиженно твякнул и умолк. Сам Васич появился через минуту и одобрительным кивком отметил наши приготовления. А вот и Паша с тремя комплектами постельного белья. Косит взглядом на стол, кладёт бельё на кровать и ничего не успевает сказать поперёд баска Васича:

– Как насчёт лёгкого фуршета «за встречу»?

Вопрос адресован одному Паше – мнение остальных и так понятно. Быстро поборов сомнение Паша кивает головой. Коньяк по рюмкам, бутерброды, кто с чем пожелает, по рукам. Выпили, и наш хозяин засобирался. Сослался на занятость и был таков, успев принять приглашение на вечерний шашлык. Этим он мне понравился ещё больше: и гостей уважил, и про дела не забыл.

Приговорив бутылку, мы покинули домик и побрели, по пожухлой и ещё только опавшей листве, прямо к видневшемуся за берёзами просвету. А дизайнер ветер всё добавлял и добавлял новые штрихи в нежно-печальную осеннюю композицию. Выйдя на просвет, мы оказались на высоком крутом берегу. Внизу желтела полоска песка, за которой разметалась вширь, аж на целый километр, красавица Обь. Неспешно и величаво несла она стылые воды в сторону студёных северных морей. По берегу, переходя от одной удочки к другой, бродил рыбак. Ёрш тут же не выдержал:

– Вы как хотите, а я порыбачу! – и умчался к домику

за снастями.

Мы дождались, пока он вернётся со спиннингом наперевес, спустится по крутой, похожей на корабельный трап лестнице на берег и побредёт по песчаной полосе в поисках удобного местечка.

– Посидим? – предложил Васич, кивая на стоящую по-над берегом беседку. – Как поживает моя просьба? – спросил он, когда мы присели на лавочку под дощатым шатром.

Мой старинный, ещё с Афгана, друг, Глеб Васильевич Абрамов, для своих Васич, когда-то закончил Новосибирское военно-политическое училище по специальности «командир разведвзвода». С тех пор он успел отметиться во всех горячих точках Союза, России и большинства некогда дружественных, а теперь не всегда, государств. Дослужился до начальника штаба Бердской бригады ГРУ ГШ (Главного разведывательного управления Генерального штаба), когда перед ним зажётся красный свет. Как это бывает на государственной службе, кого-то «наверху» посетила блажь расформировать одно из самых боевитых подразделений российского спецназа. Так, ещё не разменявший «полтинник» боевой подполковник враз остался не у дел со всеми своими орденами и шрамами. Существовать на нищенское пособие, почему-то именуемое у нас пенсией, для ещё крепкого мужика было стыдно, и предложение возглавить службу безопасности одной частной фирмы пришлось как нельзя кстати. Правда, и тут не обошлось без подвоха. Генеральный дирек-

тор фирмы был слегка подвинут мозгами на охоте и имел привычку через это своё увлечение проверять всех своих за-
мов, а уж начальника СБ – сам бог велел. А Васич, в смысле
охоты, был, по его собственному выражению, «ни ухом, ни
рылом». Сроки охоты уже объявлены, а у Васича ни оружия
походящего, ни, что более существенно, лицензии на владе-
ние оным. И побёг он тогда к старому другу, начальнику ре-
жимно-секретного подразделения областного ГУВД подпол-
ковнику Жехорскому Михаилу Макаровичу, то есть ко мне.
И вот теперь сидит и ждёт ответа на поставленный вопрос.
Не стал я друга мытарить, а поспешил успокоить:

– Всё в порядке. Организуешь начальнику ОЛРР (Отдел
лицензионно-разрешительной работы) откат в виде одной
бутылки коньяка и считай, что нужные документы у тебя
в кармане!

– Вот спасибо! – обрадовался Васич. – Теперь дело за ору-
жием. Не подскажешь где можно карабин приобрести, ска-
жем, такой, как твой «Тигр»?

Самозарядный охотничий карабин «Тигр» под патрон
7,62x54R я приобрёл, по случаю, в Ижевске, ещё в лихие 90-
е, когда сопровождал туда продукцию завода «Химконцен-
тратов».

– Зачем покупать? – произнёс я самым невинным тоном. –
Проще взять из багажника собственной машины. Ты ведь ви-
дел, как я его туда положил? Дарю! Владей!

Васич аж подпрыгнул от радости. После слов благодар-

ности тут же помчался за подарком. Вскоре карабин был доставлен, извлечён из чехла и собран. Несмотря на потёртое ложе, оружие было в отличном состоянии. Васич провёл пальцем по выполненной в старом стиле надписи «Тигрь», присмотрелся к дате выпуска.

– Что-то не разберу, похоже на 1894, – произнёс он.

– 1994, – подсказал я. – Просто цифры затёрлись. В 1894-ом его ещё не выпускали.

– Ну, да, конечно, – смутился Васич.

ГЛЕБ

– Привет, мальчики!

В пастельном свете уходящего на покой солнца, у картинно застывшей в дверном проёме фигуры лица было не разобрать. Но до боли знакомые формы, скрыть которые был бессилен любой камуфляж, и не менее знакомый голос не оставляли сомнения в том, что Ольга нас нашла. Спрашивать, как она это сделала, значило поставить под сомнение профессиональные навыки моей боевой подруги, бойца отряда спецназа ВВ МВД. Первым сориентировался Михаил, который вполне будничным тоном – молодец! – произнёс:

– Здравствуй, Оля, рады тебя видеть!

Конечно, она ожидала несколько иной реакции на своё неожиданное появление, поэтому в её: «Я тоже рада вас всех видеть!» – звучали нотки разочарования. Пока Ольга из-

бавлялась от вещей и лишней одежды, куда-то исчез Ёрш. А когда вернулся, то незаметно для моей гражданской жены утвердительно кивнул Михаилу. Ребята тут же принялись упаковывать свои вещи.

– Вы это куда, мальчишки? – удивилась Ольга.

– В соседнюю хату, – пояснил Михаил. – А вы слегка поворкуйте, и начинайте нанизывать мясо на шампуры.

Когда мы остались одни, я спросил, стараясь придать голосу как можно больше строгости:

– И что всё это значит?

– Только то, мой повелитель, – Ольга подошла ко мне вплотную и обвила шею руками, – что я по тебе очень соскучилась!

И что я мог на это ответить?

МИХАИЛ

– ... Ты молодец, встретил её, как ни в чём не бывало. А я, прямо скажу, оторопел. Вроде, и знаю её не один год, а всё одно – она для меня загадка!

Я слушал Николины разглагольствования и думал о том, что и для меня Ольга – загадка, впрочем, как и любая другая женщина, ну, может, чуточку больше, чем другая. Было в ней что-то цыганское, а значит, по моему разумению, колдовское. И в первую очередь – глаза. Они были способны смутить любого, – окромя, быть может, Васича – кто пы-

тался в них заглянуть. Беспросветно чёрные зрачки кружили голову и тянули на дно безмерно глубокого омута. Боевой псевдоним Ведьма был дан ей не только за профессиональные навыки, но и за эти самые глаза. Поговаривали, что она может предсказывать гибель. Я этому не сильно верил. Во-первых, тому не было никаких доказательств. Во-вторых, увидеть пресловутую «маску смерти» на лице человека, которому было суждено погибнуть в ближайшем бою, случилось многим, кто побывал на войне.

Война – штука кровавая и отвратительная. Но именно там, порой, между людьми возникают узы, связывающие их крепче родственников. Я вспомнил Мишу Жехорского в полушаговом возрасте от мальчика до мужа, за плечами которого осталась недописанная «кандидатская». Но Родина посчитала, что лейтенанты ей нужны больше чем кандидаты наук, и повесила на эти плечи погоны. А поскольку «пиджаком» я служил в бригаде связи Среднеазиатского военного округа, то нет ничего удивительного в том, что однажды попал «за речку». И вот иду я, приданный офицер связи, промеж матёрых спецназовцев по высокогорному афганскому кишлаку. Крадёмся, значит, как и положено со всеми предосторожностями. А вокруг кипит будничная мирная жизнь. Местные жители занимаются повседневными делами, не обращая на нас ровно никакого внимания. И до того показалась мне ситуация нелепой, что я не выдержал и рассмеялся. Тут же идущий впереди спецназовец показал мне кулак.

И не столько вид внушительного кулака, сколько серьёзное выражение лица этого побывавшего не в одной схватке воина, привело меня в чувство. Была в тот день и стрельба, а потом был долгий задушевный разговор с тем самым обладателем внушительного кулака. «Понимаешь, брат, – пояснил он странное для меня поведение местных жителей, – через Афган столетиями шли захватчики: персы, англичане, свои бандюганы, теперь вот мы. Они привыкли жить как бы во фронтовой полосе. У них свои дела – у воинов свои». Так я познакомился с лейтенантом Глебом Абрамовым.

Самый младший из нашей троицы Николай Иванович Ершов, после окончания НЭТИ распределился на службу в милицию, где и попал под моё начало. И хотя наши пути-дорожки, в плане службы, давно разошлись (Коля, закончив ещё и институт ФСБ по специальности «взрывотехника», перебрался к смежникам), осталась дружба и прозвище Шеф, коим наградил меня Николай. Спросите, причём тут война? Вроде бы и не причём. А вроде бы и причём. Мало что ли полегло нашего брата под бандитскими пулями? Впрочем, с Васичем Ёрш познакомился, как и я, на войне, во время второй чеченской компании. Сам я в Чечне не был. Конечно, пытались меня туда отправить, но я ответил категорическим отказом: «В Гражданской войне участия принимать не буду!» От меня отстали.

НИКОЛАЙ

Пока я раздувал мангал, Шеф мешал своими «мудрыми» советами. Я лениво отбрёхивался. Пусть себе советует, лишь бы не вмешивался в процесс – шашлык вовсе не его конёк. Больше меня беспокоило отсутствие реакции на запах дыма – не могли они его там не почувствовать! – со стороны домика, где затаились Абрамовичи (Абрамовичи – от фамилии Абрамов). Теперь я сделал ударение на вторую букву «а», но иногда, для прикола, мог сделать и на «о». Правда, только в том случае, когда ни Васич, ни Ольга не могли сразу дотянуться до меня рукой. Иначе, подзатыльника было не избежать.

Я уже собирался идти стучаться в дверь, когда та отворилась, и на пороге возник Васич с восьмью снаряжёнными шампурами – по четыре в каждой руке...

Шашлык подоспел как раз к первой звезде. Ввиду располагающей погоды «поляну» было решено накрыть на улице. За вкопанным в землю дощатым столом собралось шесть человек: я, Васич, Ольга, Павел и двое рыбаков из соседнего домика, которые разнообразили стол свежеекопчёной рыбой и выставили два пузыря «беленькой». Васич разлил водку в пластик и только тут заметил отсутствие Шефа. «А где Михаил? – недовольно спросил он. – Водка стынет!» Я открыл, было, рот, но тут из сгущающейся темноты к столу шагну-

ла знакомая фигура. «И где мы были?» – поинтересовался Васич. – «Закатом любовался, – спокойно ответил Шеф. – Вы знаете, что перед тем, как погаснет последний солнечный луч, вода в реке становится малинового цвета?» – «Да хоть фиолетового! – пробурчал Васич и взял в руки пластиковый стаканчик. – Ну, что, со знакомством?»

Я колдовал над второй порцией шашлыка, когда раздался нетерпеливый голос Васича: «Скоро ты там?» Я ответил, что минут через пять будет готово, но Шеф неожиданно попросил меня не спешить. «Не торопи его, пусть потихоньку доходит, а я вас пока „чушь“ угощу!» Сказал, и скрылся в домике. За столом его заявление вызвало всеобщий интерес. «О какой чуши он говорил?» – поинтересовалась Ольга. – «А он что не скажи, у него всё одно чушь получается!» – попытался сострить Васич, но под укоризненными взглядами сотрапезников смутился и умолк. Я, как рыбак опытный, хоть и не поймавший сегодня ни одной рыбки – зря я выпендрился со спиннингом – прекрасно знал, что означает на рыбацком сленге слово «чушь». Поэтому я перестал раздувать угли и переместился к столу. Шеф не заставил себя долго ждать. Появился вскоре и торжественно водрузил на стол большую тарелку с кусками сырой стерляди. «Откуда такое богатство?» – спросил кто-то из рыбаков. – «Да пока я закатом любовался, подвалил с реки какой-то местный браконьер и предложил купить свежачка». – «Так она что, совсем сырая?» – спросил Васич. – «Так настоящая „чушь“ –

это когда стерлядь разделяешь, а она ещё хвостом шевелит, – пояснил Шеф. – Потом солишь, можно слегка поперчить, и почти сразу на стол!» Мы дружно выпили и потянулись к кускам стерляди. Ольга присоединилась к пиршеству, стараясь всё делать, как остальные, а Васич застыл со стаканом в руке. Когда все справились с первым куском и потянулись за вторым, Васич, глядя на наши заляпанные жиром и кровью лица и понимая, что так ему может ничего и не достаться, буркнул: «Прям, людоеды!» – выпил водку и потянулся за стерлядью. «Ну, как?» – спросил его Шеф, когда Васич справился с закуской. Тот ничего не ответил и ухватил с тарелки последний оставшийся кусок.

МИХАИЛ

Это произошло, когда отзвучала последняя песня, и наши гости потянулись к своим домикам. «Давайте-ка, я вас сфотографирую!» – несколько неожиданно предложила Ольга. «Так ничего же не выйдет, при таком освещении», – попытался урезонить жену Васич (Место нашего веселья было освещено лишь слабым светом прикреплённого на стену домика фонаря). «Ёшкин каравай! Раз я говорю – выйдет», – заупрямилась Ольга и ушла за фотоаппаратом. «Товарищи офицеры, была команда фотографироваться. Па-а-прашу исполнять!» – шутливо скомандовал Васич. Мы дружно выстроились под прицелом направленной на нас китайской

«мыльницы». «Вы бы хоть улыбнулись», – предложила Ольга. Мы дружно натянули на лица самые идиотские улыбки, какие только смоли придумать. Ольга возмущённо фыркнула и нажала на спуск. Вспышка получилась на удивление яркой, как будто пред глазами полыхнула молния. И мне даже показалось, что прозвучал гром. Нет, не гром, колокол. «Что это было?» – поинтересовался Ёрш, переглядываясь с Васичем. Я же в это время смотрел на Ольгу и заметил, как она изменилась в лице, но не придал тогда этому особого значения.

Глава вторая

МИХАИЛ

Отправился ещё один выходной прямым котику под хвостик. И сам заступил старшим оперативного наряда, и ответственным по управлению сегодня Бурков. Мало, что полковник, так ещё и педант. Как говорится: «Хошь волком вой, хошь песни пой!» А поскольку воеет уже весь наряд, – надавал с утра товарищ полковник заданий – то мне, похоже, выпадает петь. Это-то как раз не беда: моё пение от их воя на слух всё одно неотлично. А вот то, что не ночевать мне, похоже, в родном кабинете, а значит и любимый диванчик без хозяина простынет, и куча бумажная, которую наметил в это дежурство разгрести, так кучей и останется – это беда!

Руководствуясь принципом «клин клином вышибают» только принялся изучать очередной тупорылый запрос из департамента, когда зазвонил телефон.

– Слушаю, Жехорский!

– Дежурный Абросимов, товарищ полковник!

По установившейся традиции дежурный проглотил приставку «под», а я, по той же традиции, сделал вид, что не заметил.

– Что у тебя?

– Тут такое дело... ЧП у нас. На Центральном рынке обнаружена бесхозная сумка, похоже, взрывное устройство.

– Основания?

– Так старший ГЗ (группа задержания наряда милиции вневедомственной охраны) говорит, что тикает там внутри.

Тикает обычно таймер. А будильник он, сиречь, таймер и есть. Забыл какой-нибудь командированный растяпа – а может, к тому же, и пьяный – сумку, вот тебе и тикает. Логично? Логично! А действовать будем по инструкции.

– Ты, Саша, руководство поставил в известность?

– Вас первого, товарищ полковник!

– Значитца, так! Буркову я доложу сам. А ты начальница управления в известность ставь, распорядись, чтобы выставили оцепление, ответственного Центрального отдела наряды и с ЦОУ (Центр оперативного управления нарядами милиции района) пусть наряды стянут поближе. Машина где?

– Так стоит у «Стеллы» уже.

– Хорошо... я сейчас выеду на место. Да, по собачке озаботься, чтоб доставили. И желательно две штуки!

– А две-то зачем, тащ полковник?

– Ты рынок Центральный помнишь? Сколько там одна собака работать будет? До утра? Давай, выполняй!

Ну вот. Пришла пора набрать номер «обожаемого» начальства.

– Сергей Михайлович, это Жехорский, тут у нас на рынке

сумку бесхозную нашли, что-то там тикает... Нет, не открывали, дурных нема! Вы как, поедете?

– Нет, Михаил, думаю, ты и сам справишься, тем более что начальство только следы затаптывать может.

Однако не сдержался Сергей Михайлович! Я тут недавно на совещании ляпнул, что, после «приехало начальство», на месте происшествия были затаптаны все следы. Как материалы собирать по делу – этого не дождёшься, а приехать и с важным видом побродить по месту происшествия – это, пожалуйста, особенно ежели пресса уже толчётся. Я за последние двадцать лет так и не смог привыкнуть к этому «методу» руководства личным составом. Однако надо собираться. Эх, бушлат забыл привезти из дома, а в куртке уже холодно совсем. Ну, на машине – не пешком чай! Дежурную папку под мышку и вперёд!

О! всё местное начальство уже тут. Так: место оцепили, ленту повесили, народ эвакуировали.

– Здравствуй, Николай Николаевич!

Жму руку начальнику городского управления Зыкову и иду вместе с ним смотреть что там и как.

Вызвавшая такой переполох сумка стоит себе у дальнего прилавка и отсвечивает ярко-синими боками. А баульчик-то внушительный. В такой, взрывчатки чёртова прорва войдёт.

– Кинологи отработали уже?

– Нет, вас ждём!

О, как! Я фигею, дорогая редакция! Идём к кинологам. Знакомые всё лица и морды тоже. При виде начальства пытаются принять строевую стойку.

– Вольно! Николай Николаевич, ФСБ вызвали?

– Так рано вроде бы... Дежурному их сообщили, как положено.

– Ладно. Юля, ты с Громом давай к сумке, а ты, Инна, со своей «дворняжкой» отработай территорию второго павильона.

– Ася не дворняжка, товарищ подполковник, – с обидой сообщила блондинка в папуаске с сержантскими погонами, – а бельгийская овчарка!

Угу, помню я, с каким изумлением посмотрела она на щенка, которого ей поручили вести, и спросила у начальника питомника: «А что я буду делать с этой дворняжкой?» С тех пор прошло пять лет, и на счету «дворняжки» не одно раскрытое преступление. Юля с Громом, восточно-европейской овчаркой, псом ныне уже редкой породы, пошли к сумке. Рядом они смотрелись довольно комично: маленькая брюнетка в милицейском бушлатике, серой уставной шапке, и трусящий с левой стороны здоровый, чуть не выше её талии, пёс чепрачного окраса с умной мордой, походивший бы на волка, если не огромные стоячие уши.

Остановившись метрах в двадцати, Юля по инструкции

отправляет к сумке собаку. Гром осторожно подходит к прилавку, подле которого стоит сумка, и начинает работать. Через пару минут молча садится возле неё и, повернув голову к хозяйке, послушно ждёт команду. Едрит твой ангидрит! Точно, взрывчатка внутри! Гром ещё ни разу не ошибся за свою восьмилетнюю службу.

– Ну, что, Николай Николаевич, вызывай взрывотехников от смежников, наши, омоновские, в Дагестане нынче, сие тебе известно.

Седой коренастый полковник в форменной сшитой на заказ кожаной куртке с каракулевым воротником пожевал губами и спросил с сомнением:

– А может не точно ещё?

Я помотал головой.

– Точно! Ты знаешь не хуже меня, что Гром не ошибается.

Обречённо махнув рукой, Зыков начал по рации отдавать приказания.

Минут через семь, завывая сиреной, подъехала знакомая белая «Газель» с надписью «Взрыво-техническая лаборатория ФСБ России».

НИКОЛАЙ

Я что, схожу с ума? Как я могу на это ответить? Откуда мне знать это точно, если подобное происходит со мной впервые? Интересно, у психов есть чувство юмора? Если

и дальше так пойдёт, то скоро узнаю про это из первых рук. Я имею в виду от психиатра. Улыбнётся он мне доброй такой улыбкой и скажет: «Не волнуйтесь, больной, ваше чувство юмора вполне совместимо с диагнозом вашей болезни». Когда это началось? Глупый вопрос! Это-то я как раз помню отчётливо. В тот вечер, на базе отдыха, что на берегу Оби. И не то важно: водку мы тогда заедали шашлыками, или шашлыки запивали водкой. Важно другое: Ольге пришла в голову блажь нас троих сфотографировать. Спорить было себе дороже, и мы дружно встали под прицел объектива, скорчив самые немыслимые рожи. Потом была вспышка, много ярче той, что бывает при фотографировании. И был колокол, звук колокола. Неясный, отдалённый. Мне, точно, не померещилось. Шеф тогда подтвердил, что тоже что-то там слышал. Васич, правда, кричал, что всё это фигня, и он-то никакого колокола в упор не слышал. Но по нему было видно, что врёт. И Ольга была какая-то странная. Как она на нас тогда смотрела. А через несколько дней началось ЭТО. Поднялся из метро на площадь Ленина и чуть за столб не ухватился. Прямо посреди площади самый настоящий базар. Не такой, как сейчас, а такой, каким он мог быть в начале прошлого века. Притом, то, что базар, – как есть цветное, а то, что вокруг, – чёрно-белое и в дымке. Сколько длилось наваждение – секунду, две? Не знаю, но пропало быстро. Через несколько дней произошла другая фигня. Вернее, та же, только вид сбоку. Шёл я по новенькому микрорайону

и вдруг оказался в лесу дремучем. А с Ленкой как опарафился? Уже обнял было, и тут от неё таким холодом обдало, что невольно отпрянул. Обиделась, понятно. Стала во мне измену искать. Баба она завсегда так: если мужик неласков, значит, завёл другую. Дела... А что самое главное: каждый раз когда такие чудеса со мной случаются, слышу я колокол и с каждым разом всё отчётливее. А вот и Центральный рынок. Толпа по одну сторону оцепления, милицейские – по другую. Всё путём. Вылажу из «Газели» и иду к смежникам. Крепко жму руку Шефу, – он нынче старший наряда – здороваюсь с остальными двуногими и четвероногими. Говорите, тикает? И Гром сел? Гром – это серьёзно. Обмениваюсь с псом уважительными взглядами. Говорю Михаилу: «Пойду, гляну, на что это там Гром среагировал». Уточняет: «Без костюма?» – «Ага, – говорю, – пока чисто посмотреть». Подхожу к сумке. На первый взгляд, ничего особенного. Начинаю присаживаться на корточки. Навстречу несётся ослепительная вспышка и разрывающий перепонки гул набата.

МИХАИЛ

Я услышал только «Ба!...» Видимо, на «...бах!» уже заложило уши. Взметнулось пламя. Джин вырвался на волю, разрывая и корёжа всё, что попадалось на пути. Оттолкнулся от дальней стены и устремился к нам. Но не дотянулся, выдохся и исчез, разбросав всё, что успел прихватить. Среди

прочего – останки моего друга Коли Ершова.

ГЛЕБ

Когда на столик была выставлена четвёртая бутылка я быстро встал и без особых усилий перемахнул с нижней полки на верхнюю. Внизу сначала удивились, потом возмутились, потом пытались усюветить, потом стали браниться, потом про меня забыли. Вот и ладушки! Им-то чего не пить? Они как-никак на отдыхе. А я, всяко, на работе. Мне эту троицу, ладно бы охранять, как бы тащить на себе не пришлось. Ох уж мне эта охота! Господину Побегайле, – наградили предки фамилией! – работодателю моему и «благодетелю», этому точно охота. Двум ближним замам его, что шкворчат теперь на нижней полке, им, толи охота, толи неохота – поди, их хитрожопых, разбери. А мне неохота, ох, как мне неохота! Особенно сейчас, когда только-только схоронили Кольку. А был ли он там, в том закрытом гробу? Говорят, что сапёр ошибается один раз в жизни. А тут и ошибиться-то не успел – сразу в куски. Макарыч говорит, что он только наклоняться к грёбаной сумке начал. Макарыч переживает Колькину гибель шибче остальных. Хотя, если разобраться, чем он виноват? Тем, что вызвал Кольку к этой треклятой сумке? Так он конкретно Ерша не заказывал, кого прислали – того прислали. Ольга тоже ходит как в воду опущенная. Что-то с ней после гибели Кольки произошло, не пойму что.

Ладно, вернусь с охоты – разберусь. И чего эти бриджи постоянно трусы промеж ягодиц заталкивают? В трико было бы куда как удобней. Так нет, мало ему охоты, подавай ещё и историческую реконструкцию: всё точь-в-точь как сто лет назад. Еле-еле тельняшку отстоял. Будто в те времена моряки на охоту не ходили? А «Тигра» и отстаивать не пришлось. Понравился мужикам карабин. В остальном пришлось уступить. Бриджи, сапоги на меху, бекеша, малахай, ну и прочая мелочь. Ладно, хоть за всё это из собственного кармана платить не пришлось. «Благодетель» в виде презента отвалил. У него для такого случая особое ателье имеется, там всё по меркам и пошили.

Проснулся я сразу, как только проводница коснулась моей ноги.

– Подъезжаем?

Она кивнула, горестно вздохнула и покинула купе, плотно притворив за собой дверь. Причину её печали я понял сразу, как спрыгнул с полки. Господин Побегайла похрапывал на своём месте, а оба зама приютились на полке напротив. Очевидно, одному из них не хватило сил взобраться наверх, из чего я сделал вывод, что выгрузка личного состава будет проходить в экстремальных условиях. И, к сожалению, не ошибся. Колёса состава, пересчитав положенное

количество стыков, уже замерли подле перрона станции Барабинск, а я только-только привёл своих спутников в сидячее положение. Ладно, одевать особо не пришлось, поскольку они и не раздевались. Бекешу на плечи, малахай на голову, скарб «страдальца» на плечо, самого «страдальца» под руку, и, «давай, перебирай ногами!», на перрон. Оставляю подопечного на попечительство ночки метельной и за следующим. Пока тащил второго, думал, что увижу первого лежащим на снегу, но обошлось. Стоит, родимый, и даже чего-то там соображает. Бекешу застегнул и рукавицы надел. Третьего красавца выгрузил уже под зелёный сигнал светофора. Помчался в купе за своими вещами. На перрон ступил, когда за спиной лязгнули буфера. Успел! А где «страдальцы»? Вон они, опираясь друг на друга, волочатся в сторону вокзала. Шагнул следом. Вспомнил, что когда сядились в поезд сунул билет вместе с паспортом в сидор. На ходу скинул вещмешок и только потянулся к кармашку, как правая нога, попав на лёд, пошла в сторону. Если уж падать, то только не на карабин! Извернулся в воздухе и приземлился как надо. Сидор, понятно, отпустил, и тот падал сам по себе в некотором от нас с «Тигром» отдалении. Чертыхаясь, принял вертикальное положение и тут же оказался внутри снежного вихря. Замер на месте, прикрыв от колючего снега лицо рукой. В уши ворвался близкий удар колокола. У них, что, церковь рядом с вокзалом?

МИХАИЛ

Когда эти су... Вот чёрт! Не могу цивилизного продолжения придумать. Выходит, всё-таки суки. Так вот, когда они научатся входную дверь закрывать? Ладно бы лето. А так разморозим батареи, что подле двери, вот тогда и нахлебамся по макушку всем подъездом. Какой-то я последнее время злой. А и будешь злым, когда беда за бедой. Сначала Ерша на моих глазах в ключья разорвало, теперь вот Васич пропал... И пропал ведь... чуть не сказал «среди бела дня». Да нет. Ночь была, притом с метелью. И всё равно, с его-то опытом... Ну, куда он мог подеваться? На перроне обнаружили только вещмешок, в кармане которого лежал бумажник с деньгами и документами. Коллеги из Барабинска на его подельников грешат. Логика в этом, определённо, есть. Только пустышка это. Ну и что, что в показаниях путаются? Столько выпей и ты жену с тёщей путать начнёшь. Проводница вагона факт пьянки подтвердила. И Васич, по её словам, когда поезд отходил от перрона, шёл за своими спутниками на некотором отдалении. Потом налетел снежный заряд, и она закрыла дверь. С этой минуты Васича никто больше не видел. Смерч его, что ли, унёс? Бред! Но Васича нет, и Ольга теперь страдает. А тут ещё «шептуны» всех полов и мастей перчику на раны подсыпают. Из чистого альтруизма, разумеется. Чем опять почтовый ящик набит? Реклама... опять реклама,

... а это что? Письмо... И даже мне? Интересно, от кого? С-Петербург, нотариус палаты №2 Розенфельд С. В. Что характерно: у нас, что ни нотариус, так Розенфельд. Ладно, конверт в папку, рекламу в мусоропровод. Оставлять в ящике нельзя, непременно какой мелкий подождёт.

Вот дверь, вот ключ. Открываю первое вторым, и я в прихожей. Окромя кота с усердием дерущего свой коврик – никого. Это, как бы, меня не ждали?

– Солнышко, я дома!

Нет бы, помолчать – целее был бы. В прихожую выкатывается злобное «солнышко» и рядом с ней...

– Рая, ты как здесь?

Рая молчит, поскольку перешипеть «солнышко» задача трудновыполнимая.

– Ты чё разорался? У нас Лена с маленьким.

Час от часу... Спрашиваю на полтона ниже:

– По какому случаю парад але?

Моя половина смотрит на меня уничижительно и поворачивается к Рае:

– Объясни ему.

Рая, моя однокашница по школе милиции, мать Коли Ершова, берёт меня за руку и ведёт на кухню.

– Понимаешь, Лену из общежития ГУВД выселили...

Я хоть и не рыбак, но как выглядит вытащенная на берег рыба, представляю хорошо. Поэтому, для того чтобы представить, как я сам выглядел в этот момент, отражаться в зер-

кале нужды не было. Наконец, с шевелящихся под выпученными от удивления глазами губ слетели первые слова:

– Это как?

– Читай сам! – Рая протянула мне половинку листа бумаги, на котором добротным канцелярским стилем излагалось, что поскольку Ершова Е. А. не связана трудовыми отношениями с ГУВД, то, в соответствии с договором найма жилого помещения в общежитии, подлежит выселению в трёхдневный срок.

– Тут написано три дня, почему сразу не сказали? – спросил я Раю.

– Так они ещё и не прошли. Просто мы не стали дожидаться, когда придёт ОМОН, и освободили помещение досрочно.

– Гордые, значит? – я тяжело опустился на табурет. – И что вы теперь с вашей гордостью делать намерены?

– А ты чего раскипятился? – в свою очередь вспыхнула Рая. – Можно подумать, ты бы чем помог!

– По крайней мере, попытался, – всё ещё раздражённо парировал я. – В крайнем случае, до генерала бы дошёл.

– Ты посмотри-ка на этого ходока, – обратилась Рая к моей супруге. – Так бы он тебя и принял! Нынешний, он у нас не то, что давешний.

– Зря ты так, – сказал я уже примирительным тоном. – Генерал мужик правильный. Может и посодествовал бы. Да что теперь говорить. Обрато Ленку никой генерал не вселит. А что ФСБшники говорят?

– Сочувствуют. Обещают помочь при первой же возможности.

– Цену таким обещаниям ты знаешь не хуже меня, – горько усмехнулся я. – Скажи лучше, что делать собираетесь?

– Увезу их в Купино, там у меня большой дом, участок. А как Лена с декрета выйдет, я её к себе в отдел переведу. Так что ты за нас не переживай – перетопчемся! Ты лучше помоги с «Газелью», у вас в батальоне, я знаю, есть полугрузовая, вещи перевезти.

– И с «Газелью» помогу, и с погрузкой, только... – Закончить фразу у меня не получилось, лишь глубокий вздох невольно вырвался из груди.

Рая посмотрела на меня всё понимающим взглядом.

– Брось, Миша. В твои ли годы стены лбом таранить? Пусть подавятся!

На следующий день я смотрел на отъезжающую «Газель» и думал о том, что Ленке с малышом в деревне будет лучше, чем в городе. В оправдание, в успокоение ли пришла мне в голову эта мысль – не знаю, но полегчало.

Я перечитал письмо от нотариуса ещё раз, отложил бланк в сторону и откинулся на спинку кресла. Чудны дела твои, Господи! Я, конечно, помнил о том, что в Питере у меня был – я ведь даже не знал, жив он или нет – двоюродный дед

Юзеф. О нём у меня остались самые смутные воспоминания. Я был совсем мальцом, когда в первый и последний раз навещал деда Юзю в его коммунальной квартире в старом питерском доме где-то в районе Сенной площади. Когда же я получал о нём последнюю весточку? Лет тридцать назад? Как не все сорок! И вот теперь меня приглашают вступить в права наследования. Недвижимость почитай в центре Питера и счёт в банке. Интересно, какая на счету сумма? Хотя, если продать одну квартиру и то нехило выйдет. Надо ехать.

Ускорил отъезд, как ни странно, мой непосредственный начальник. Пригласил в кабинет, вроде как по делу. Потом сказал, не глядя в глаза, что видел проект нового штатного расписания, того, что для полиции. Так в нём моей должности нет. Вывод предложил делать самому. Дело нехитрое: должность сокращают, возраст пенсионный – не служить мне в полиции. Кабы не наследство деда Юзи, так и загрузил бы, наверное. А так, вышло как в песне Галича, в исполнении Высоцкого на старой магнитофонной ленте: «Появляюсь на службу я в пятницу, посылаю начальство я в задницу...». И как стал я оформлять пенсию, так перестал засиживаться на службе дольше положенного, а потом и вовсе обнаглел: взял впервые в жизни кратковременный отпуск для решения неотложных дел по семейным, стало быть, обстоятельствам и отбыл в северную столицу России город Санкт-Петербург.

Ещё на трапе самолёта придавило меня к земле тяжёлое питерское небо, и хлестанул по лицу солёный балтийский ветер. И пусть про соль я приврал, но и без неё ветерок пробирал до костей.

В зоне прилёта меня ожидал господин Розенфельд. Он был примерно одних со мной лет и ничем не отличался от типичных представителей своей национальности: чёрные кучерявые слегка тронутые сединой волосы, умное лицо и глаза, вобравшие в себя печаль многих поколений.

Пока шло опознание, пока мы приветствовали друг друга, пока я сообщал нотариусу, что другого багажа кроме сумки, той, что в руках, у меня нет – всё это время он косил взглядом за моё плечо. Это слегка раздражало, но не заставило обернуться. Я ждал приглашения на выход, но Розенфельд спросил:

– Вы прилетели один?

Я, конечно, удивился, и, конечно, хотел ответить, что, да, я прилетел один, но нотариус так выразительно повёл глазами за моё плечо, что я закрыл рот и обернулся. Потом снова посмотрел на Розенфельда и произнёс совсем не то, что собирался:

– Похоже, что не один. Извините.

Я оставил сумку возле Розенфельда, сам подошёл к Ольге, приложился щекой к её холодной щеке, потом спросил:

– Ты как здесь?

– Прилетела тем же рейсом. Миша, мне надо с тобой поговорить!

Я всегда знал Ольгу как абсолютно адекватного человека, неспособного совершать необдуманные поступки, потому просто одной рукой подхватил её сумку, другой взял под локоток и подвёл к нотариусу.

– Знакомьтесь, Ольга, моя родственница!

Если у Розенфельда и возникли на этот счёт какие-то сомнения, то он их оставил при себе, изобразил вежливую улыбку и пригласил нас пройти к выходу.

Иномарка, в которую мы погрузились, – сумки в багажник, мы с Ольгой на заднее сидение, Розенфельд за руль – была не только относительно новая, но ещё и забугорная, не наш российский девайс. Оно и понятно. Для нотариуса машина не столько средство передвижения, сколько вещь статусная, непосредственно влияющая на степень доверия клиента.

По пути, в основном, молчали. Не доезжая до Сенной свернули в переулок, потом под арку, и встали внутри двора-колодца перед невыразительной дверью. Поднялись по обшарпанной лестнице на третий этаж. Нотариус открыл столь же невзрачную, как и лестница, дверь, и мы вошли на кухню той самой коммунальной квартиры, где я в своё время навещал деда Юзека.

– Это ж, вроде, кухня? – произнесла, оглядевшись, Ольга.

– Она самая, – весело подтвердил я.

– Фигня какая, – фыркнула Ольга.

– Так это мы зашли с чёрного хода, – невинным тоном пояснил я. – А с парадного и вход в прихожую, и лестница получше, и лифт есть.

Ольга в недоумении посмотрела на Розенфельда. Тот, не глядя на неё, скороговоркой выпалил:

– У парадной негде машину поставить. Вот ключи и визитка. Завтра жду вас, Михаил Макарович, у себя в конторе, или, может, за вами заехать?

– Не стоит утруждаться, – ответил я, читая визитку. – Если я правильно сориентировался, ваш офис минутах в пятнадцати отсюда? Пройдусь пешком!

– Как угодно, – кивнул нотариус. – Засим, позвольте откланяться!

Он исчез, притворив за собой дверь чёрного хода, а мы с Ольгой отправились осматривать квартиру. Ещё из письма Розенфельда, где была указана наследованная площадь, я извлёк информацию о том, что деду Юзеку каким-то образом удалось расселить коммуналку и стать единственным владельцем большой квартиры. То, что квартира, оказывается, располагалась в двух уровнях, стало для меня сюрпризом. Правда, этажом выше была только одна комната, зато какая! Если весь нижний этаж был обставлен в современном стиле, то эта комната была оборудована в стиле модерн, столь популярном в начале XX века.

– Прямо музей! – удивилась Ольга.

– Определённое сходство есть, – вынужден был согласиться я. – Однако пора и заселяться, как ты думаешь? Выбери комнату, и приводи себя в порядок. Ванную, думаю, отыщешь? Вот и ладно. Встречаемся через час на кухне.

Я первым успел принять душ, и пока Ольга смывала с себя пыль новосибирских улиц, смотался в ближайший магазинчик. Так что, когда она, покрасневшая, в тюрбане из полотенца на мокрых волосах и халате появилась на кухне, стол был уже накрыт. Разлить янтарное вино по хрусталию было делом даже не минуты. Наши бокалы встретились над столом с благородным звоном. Живительная влага благотворным образом сказалась на пищеварении, и вскоре тарелки со всякой снедью заметно опустели. Не дождавшись этого от меня, Ольга сама разлила вино и приглашающе подняла бокал. Но я отрицательно помотал головой.

– Сначала расскажи, что заставило тебя идти по моему следу?

Ольга в одиночку выпила вино, отставила бокал и посмотрела мне прямо в глаза.

– Только обещай, что не будешь перебивать.

– Не буду, говори.

– Ты ведь слышал, что Ведьма это не просто мой боевой псевдоним.

Я, держа данное слово, лишь неопределённо пожал плечами, и она продолжила:

– Думай, что хочешь, но доля истины в этом есть!

«В чём в этом?» – хотел спросить я, но опять промолчал, поощрив её взглядом на продолжение монолога.

– Я действительно могу чувствовать беду, но в тот раз случилось нечто для меня непонятное.

Я свёл брови к переносице, пытаюсь разобраться в сказанном. Ольга заметила это и тут же поспешила мне на помощь.

– Я имею в виду тот злополучный снимок, там, возле домика на берегу Оби. Когда я нажала на спуск, произошла вспышка слишком яркая для фотоаппарата. Так вот, чтоб ты знал, у моей «мыльницы» вообще нет вспышки! И колокол, ты ведь тоже его слышал, верно?

Я неохотно кивнул головой.

– Но даже не это главное. Понимаешь, я тогда вдруг ясно поняла, что вас троих ждёт что-то необычное, но вовсе не смерть! И когда погиб Коля я ужасно растерялась. Потом, глядя на запаянный гроб, я вдруг чётко осознала: Коли там нет!

Это было уже слишком. Я возмущённо открыл рот, но Ольга меня остановила.

– Ты обещал!

Верно. Я закрыл рот и кивнул головой – продолжай.

– Миша, можешь считать меня кем угодно, но Колю перед самым взрывом или даже во время его подменили! Не смотри на меня так. Мне и самой иногда кажется, что у меня крыша едет. Ведь Лена опознала останки. Но ты же понимаешь:

опознавать-то было нечего. Верно, о таких вещах думать надо молча. И поверь, я бы молчала, но после исчезновения Глеба у меня в голове прояснилось: они оба живы и находятся где-то рядом друг с другом. А тебе я говорю всё это лишь потому, что ты будешь следующим.

Припечатала, так припечатала! Она уже замолкла, а я всё ещё сидел, не зная, что и ответить. И чем дольше я сидел, тем яснее понимал: нет у меня на её слова управы! Больно ладно она всё склеила, ни одного зазора не оставила.

– Выходит, моё нечаянное наследство это дорога к ребятам? – спросил я, наконец.

– Думаю, что да! – Ольга облегчённо вздохнула, она ведь прекрасно понимала, как сейчас рисковала.

– Если это так, то счёт идёт на дни, если не на часы, – сказал я задумчиво.

– И я теперь от тебя никуда не отойду! – твёрдо заявила Ольга.

– Но зачем тебе это? – спросил я.

– Когда ЭТО случится, хочу попробовать уйти вместе с тобой!

Я посмотрел на её решительное лицо и понял: отговаривать бесполезно.

– Согласен, за одним исключением. В отдельные места я всё-таки буду ходить один. А так, будь рядом, не возражаю. А теперь – наливай!

Следующее утро основательно проветрило небо над городом, разметав по сторонам тучи; прояснилось и у меня в голове. После того, как я переспал с ним ночь, бред, которым накормила меня Ольга, уже не казался мне столь же убедительным, как вчера. Но, сомнения сомнениями, а уверечь от убытков близких мне людей я был обязан. Поэтому, прибыв по указанному в визитке адресу и вступив в права наследства, я с помощью того же Розенфельда тут же составил уже своё завещание. Теперь, если Ведьмины пророчества окажутся-таки правдой, моя родня не пострадает хотя бы материально. И, я бы сказал, весьма даже не пострадает. Из нотариальной конторы мы переместились в банк, где мне пришлось ставить много подписей. И с каждой подписью я становился только богаче. Несколько росчерков пера и я уже владелец рублёвого счёта с приятным количеством нулей. Ещё несколько движений кисти и в моём активе ещё один счёт, теперь валютный. Нулей в нём меньше ровно на один, но это, странным образом, не мешает удвоению моего капитала. Завершается экскурсия по банку посещением хранилища. Ключ от ячейки «где деньги лежат» мне загодя вручил господин Розенфельд, сам же остался наверху.

И что мы тут имеем? Две пачки денег: рубли и евро – эти сразу в карман. Несколько деревянных ящичков разного размера, тетрадь в кожаном переплёте и папка с бума-

гами. Начинаю с самого длинного ящичка. В нём разместились коллекция монет. Каждая монета в прозрачном пакете. После осмотра меняю первоначальный вывод. Это не коллекция. Скорее, заначка на чёрный день. В ящичке поменьше лежало несколько ювелирных украшений, явно старинных. Вещицы изящные, наверняка дорогие, и наверняка припасены на тот же чёрный день. А в этой коробке один лишь ключ. Старинный и, похоже, от сейфа. Забираю ключ и драгоценности, монеты возвращаю в сейф. Мельком заглядываю в тетрадь. Большая часть листов пригодна для заполнения. Остальные безнадежно испорчены цифрами, записанными разновеликими группами через пробелы. С трудом сдерживаю стон: только не ЭТО! Но ЭТО, определённо, именно ТО, и с ЭТИМ я буду разбираться дома. Теперь бумаги. Молодец, деда Юзя! Опись монет и украшений с указанием рыночной стоимости в двух экземплярах. Один забираю – другой оставляю в папке. Некоторые бумаги вызывают лёгкое недоумение. Забираю их с собой, чтобы показать Розенфельду – пусть прояснит ситуацию. Остальные (важные, но сейчас не нужные) оставляю в папке, а ту кладу в ячейку рядом с коробками. Закрываю ячейку и наверх. Нотариус ожидает моего возвращения в холе за столиком. Подсаживаюсь к нему. Молча кладу перед ним бумаги. Смотрит, кивает головой.

– Доверенность на автомобиль, оформлена по всем правилам. Вот ключи. – Выкладывает на столик брелок с ключа-

ми. – Если есть права можете забирать и ездить. Гараж, правда, далековато, зато около метро. Впрочем, можете оставлять машину во дворе, ворота на ночь запираются.

– А если надо будет уехать или приехать ночью? – Какой я, однако, зануда.

Нотариус пожимает плечами.

– Вызовете дворника, дадите ему купюру, он всё сделает. Переходит к следующей бумаге.

– Это Герцог, овчарка, собака вашего деда. Сейчас он в собачьей гостинице. Адрес тут указан. Это тоже часть вашего наследства. Пёс своенравный, признаёт только своих. Если вас не признает, не подскажу, как и быть.

Ладно, будем решать вопросы по мере их поступления. С Розенфельдом прощаюсь у метро. Еду в гараж. Действительно, далековато. Но и то, что рядом с метро, тоже, правда.

Оседлываю серебристый седан с мерседесовской эмблемой на капоте и осторожно – город-то чужой! – еду за Герцогом.

Вместе со служащим гостиницы подходим к вольеру. Красив, чертяка! Но норов, правда, крутой. Рычит и скалится. Осторожно протягиваю к решётке руку. На морде недоумение, подходит к решётке, принюхивается. Ничего удивительного. Рука-то моя в перчатке. Пару старых перчаток я нашёл в бардачке. Запах хозяина сбивает пса с толку. Начинает поскуливать. Ну, что, рискнём? Киваю службе. Тот открывает дверь вольера. Осторожно вхожу. Смотрит настороженно,

но не рычит. Подхожу вплотную, медленно протягиваю руку к голове, глажу.

– Ну что, злобная тварь из тёмного леса, поедem домой?

Посмотрел: не зло – тоскливо. Ну, всё, какой-никакой контакт установлен. Надеваю на пса намордник, беру на поводок и веду к машине. Узнал... узнал, клыкастый, хозяеву тачку! Ладно, прыгай на заднее сиденье, и поедem знакомиться с Ольгой...

И впрямь ведьма. Укротила пса в пять минут. Смотрит на неё с обожанием, а на меня всё ещё с подозрением. Ладно, милуйтесь, а я пока пойду, тетрадку почитаю.

Похоже, дед до самой смерти оставался романтиком. Иначе, зачем бы он для своих записей стал использовать шифр, который сам же давным-давно придумал для меня и моего двоюродного брата Марека, когда мы в детстве играли в шпионов? Занятие это, конечно, не сложное, но очень трудоёмкое, как для того, кто шифрует, так и для того, кто осуществляет обратный процесс. Шифр прост и надёжен, как банковский сейф – то есть, не на сто процентов, но близко к этому. Ключом к шифру является книга определённого года издания. В огромной дедовой библиотеке нужный фолиант нашёлся не сразу. Но вот книга на столе. Вооружаюсь карандашом, чистыми листами бумаги, открываю тетрадь,

принесённую из банковской ячейки, и приступаю к работе.

Закончил где-то под утро и сразу завалился спать, оставив чтение на потом.

Проснулся ближе к обеду, наскоро перекусил и сел за чтение. Ольга и Герцог отнеслись к моей занятости с пониманием, затерялись где-то в недрах квартиры, иногда были слышны, но не мешали. Вчера, расшифрованный текст – пусть тогда это было и поверхностное суждение – показался мне, как бы это помягче выразиться, странным. Сегодня, после внимательного прочтения, он уже казался более чем странным. Это был либо сюжет для фантастического рассказа, либо основание для заключения в психиатрическую лечебницу. Теперь я знал точно: дед Юзек не страдал романтизмом, когда шифровал свои записи. Он точно не был писателем, а, значит, вполне мог сойти за психа, прочти его записки кто посторонний. Я вновь склонился над тетрадкой и стал перечитывать теперь уже отдельные фрагменты текста, которые при первом прочтении подчеркнул красным карандашом. «...записи попали ко мне уже основательно подпорченными. Удалось восстановить не более половины первоначального текста. Остальное пришлось додумывать...» «...Выходит, что это зеркало такая же реликвия рода Жехорских, как и фамильный крестик...» Я догадывался о каком зеркале идёт речь. Огромное, выше человеческого роста, закреплённое на специальной подставке, оно стоит в комнате на втором этаже. С крестиком было ещё проще: он ви-

сел на моей груди. По семейной традиции он передавался старшему сыну главы рода. Не буду врать, что всегда носил крестик на шее. Когда он попал мне в руки, я, как и общество в целом, придерживался отрицания религии. Но как семейную святыню я хранил его с надлежащим усердием и почетом. Крестик серебряный, XVI века. Это я знал точно, поскольку не поленился провести соответствующую экспертизу, в наглую используя для этого служебное оборудование. Перехожу к следующему подчёркнутому фрагменту: «...Мне и самому трудно в это поверить, но зеркало является дверью в прошлое, скорее всего, в начало XX века. К этому периоду относятся все вещи указанные в описи...» Господи, зачем он шифровал опись? Ведь она заняла большую часть текста. Тут дед явно перестраховался. Остались два последних фрагмента. «...Как только вся обстановка будет воссоздана, на зеркале откроется замочная скважина, вставив в которую родовой крестик можно будет открыть дверь...» «...Осталась последняя вещь. Потом вызываю Михаила».

Я закрыл тетрадь и прикрыл глаза, пытаюсь унять обуревавшие меня чувства. Произошло невозможное! Домыслы Ольги и записи деда удивительным образом соединились, превратив два бреда в одну логику. Какого предмета не хватало в комнате наверху, я знал уже через час, сличив опись с наличностью.

Громко крикнул Ольгу. Явилась незамедлительно, в сопровождении Герцога. Я усадил её за стол, положил перед

ней тетрадь и вышел из комнаты, а потом и из квартиры, и из дома, надеясь на воздухе унять внутреннюю дрожь. Перешёл дорогу и облокотился на парапет, за которым блеснула тяжёлая, маслянистая, непроницаемая гладь канала. Вид этой неживой воды, мой силуэт, отражённый в ней на фоне старинного дома за моей спиной, странным образом уняли дрожь и переключили мысли на совершеннейшую бессмыслицу. Я вдруг подумал: и сто, и двести лет назад, кто-то стоял на этом же месте, и отражался в этой же воде на фоне этого же особняка. И вода, наверное, хранит это отражение. А может ли она отринуть его, хотя бы на миг, и поставить рядом со мной призрак из давно ушедшей эпохи? И ведь догадался, ёлки точёные! Когда, рядом с моим, в холодной воде появилось отражение другого силуэта, меня чуть Кондратий не хватил. Ладно, Ольга не стала молчать и первой же фразой разрушила наваждение.

– Крестик, про который говорится в тексте, это тот самый?

– Определённо, он. – Я повернулся к ней. – Пойдём домой или погуляем?

– Лучше погуляем. За квартирой Герцог присмотрит, а мне надо изучить эту часть города в спокойной обстановке. Она ведь с начала прошлого века не сильно изменилась? Когда попадём туда, это может пригодиться.

Я согласно кивнул головой, и два, казалось бы, психически здоровых человека отправились изучать город, чтобы сто лет назад уже не тратить на это время.

Я сидел в кресле, облачённый в халат, найденный среди дедовых вещей, и тапочки из того же гардероба и крутил в руках массивный ключ, взятый мной из банковской ячейки. Ольга сидела рядом в таком же кресле и следила за моими манипуляциями.

– Кажется, это от сейфа, – произнесла она, – и притом старинного.

Я согласно кивнул и взглянул на неё. В этих мебелих смотрится шикарно!

– Пойдём искать сейф? – предложил я.

Она тут же встала и направилась к лестнице на второй этаж.

– Ты уверена, что начинать надо оттуда?

Ольга на ходу обернулась.

– А ты, разве нет?

И тут она была, конечно, права. Где ещё искать старинный сейф, как не в комнате-музее?

Минут через пятнадцать искомое было обнаружено. Одна из секций книжного шкафа отодвинулась и открыла вид на бронированную дверь замурованного в стену сейфа. Шифр скорее всего означал год. Начали с 1900, каждый следующий раз добавляя по одной цифре. Искомая комбинация была 1916. Я повернул ключ, открыл дверь, и мы усталились

на содержимое сейфа. Пачка царских бон разного достоинства. Внушительная стопочка золотых десятков царской чеканки с благородным профилем последнего российского царя на аверсе и двуглавым орлом на реверсе. Тут же целый арсенал: револьвер, браунинг и маузер в деревянной кобуре. Плюс коробки с патронами. После того как мы вдоволь налюбовались раритетами, я сложил всё в сейф, добавил туда драгоценности из банковской ячейки и запер дверцу.

– Думаю, что в 1916 году сейф будет на месте со всем содержимым, – пояснил я Ольге. – Ведь и он сам, и его содержимое – всё оттуда.

– А нам, значит, туда... – задумчиво произнесла Ольга.

– У тебя появились сомнения?

Ольга отрицательно покачала головой.

– С ключом не расставайся, – посоветовала она.

Я кивнул.

– Ключ буду постоянно носить в кармане.

Мелодичный звонок известил о том, что к нам пожаловали гости. Ольга оказалась в прихожей раньше меня и спросила через дверь, кому мы так срочно понадобились. Выслушав ответ, повернула ко мне удивлённое лицо.

– Говорят, мебель привезли.

– Раз привезли – пусть заносят, – после непродолжитель-

ного раздумья решил я. – Откроешь, когда я Герцога запру.

Я закрыл пса на втором этаже, а когда спустился вниз, то увидел двух молодцов, которые под присмотром Ольги раскрывали какую-то упаковку. Вскоре на обозрение предстала совершенно очаровательная банкетка старинной работы. Не трудно было догадаться, что её заказал ещё дед Юзек.

– Что я вам должен? – поинтересовался я у молодцов.

Получив заверения, что кроме пары подписей – ничего, я попросил Ольгу уладить формальности, а сам подхватил банкетку и понёс её наверх. Ведь единственным местом, где она могла находиться, была комната-музей. Через дверь прошёл удачно: и Герцога не выпустил, и музейную вещь не поцарапал. Когда ставил банкетку перед зеркалом, вдруг осознал, что это именно та самая вещь из описи, которой не доставало в наличии. Но было уже поздно. Сначала, жалобно скуля, забился под стол Герцог. Я с удивлением посмотрел на него, а он полными ужаса глазами смотрел на что-то за моей спиной. Я обернулся и увидел, что поверхность зеркала перестала отражать предметы, а вместо этого источает матовый белый свет. Слева на раме, на уровне моей груди, прямо на глазах образуется выемка, напоминающая по форме крестик. Я хотел попятиться от греха, но в этот миг крестик, что до этого мирно покоился на моей груди, вырвался через ворот наружу и приложился к выемке. Свет из матового стал ослепительным. Я невольно зажмурил глаза. В уши ударил близкий звук колокола.

Глава третья

НИКОЛАЙ

Сознание вернулось вместе с адской головной болью. Право, лучше бы я остался в беспомощности. Боль невыносима. Она долбит изнутри по черепу, словно ищет дорогу наружу. Мало ей меня, боль жаждет заполнить собой весь мир. Пусть забирает всё, лишь бы меня оставила в покое! Я чувствую: ещё немного и череп взорвётся, разлетевшись на тысячи мелких осколков. Взорвётся... Взрыв... Был взрыв! И я был внутри этого взрыва. Или я и сейчас внутри него? А что было раньше? Какой всплеск боли! Я и не предполагал, что она может быть ещё сильнее. И чей-то крик. Рядом. Совсем близко. Кто это так отчаянно вскрикнул? Стоп! Лучше не думать. Боль наказывает за мысли. Надо успокоиться и просто полежать с закрытыми глазами... Стало чуть легче. Снаружи грохот и треск. Эти звуки мне знакомы. Я знаю что это. Так рвутся снаряды и работают пулемёты. Это бой. Я внутри боя? Надо попытаться открыть глаза. Не так резко! Новый всплеск боли и новый крик. Господи, да ведь это же мой крик! Значит и в первый раз кричал я? Осторожно, потихонечку разлепляю веки. Перед глазами пелена. За ней красновато-рыжие комья земли, потом небо, серое от дыма. За-

крываю глаза. Надо передохнуть и подумать. Совсем чуть-чуть. Только о том, что увидел. Дым, взрывы, стрельба. Всё-таки бой. Комья земли. Окоп? Скорее воронка от снаряда. Я лежу на дне воронки. Был близкий разрыв снаряда, и меня отбросило на дно воронки. Головная боль – это контузия. Есть ли другие раны? Пока не знаю. Сначала надо убрать боль. Эх хватил! Ладно, не убрать, хотя бы притупить. Я ведь этому учился. Давай, боль, давай, стекай к плечам и по рукам в землю. Какая же она тягучая! Устал так, будто вагон угля разгрузил, а сцедил-то всего ничего. Но пока и этого хватит. Открываю глаза. Пелена стала более прозрачной, но пейзаж не изменился. Насчёт воронки это я правильно сообразил. А что за бой? С трудом сажусь, опираясь на руки. Пытаюсь осмотреть себя. Крови, вроде, не видно. Уже легче. А во что это я одет? Но ведь? Ору от боли и валюсь на спину, сжав голову ладонями.

Сколько я был в отключке? Судя по тому, что бой не сильно-то и удалился – недолго. Только не думать «что?» да «как?», дыбы не спровоцировать боль на новый удар. Буду исходить только из фактов. На мне форма солдата Русской императорской армии времён Первой мировой войны. Значит, я участник исторической реконструкции сражения между русской и германской армиями, произошедшего в августе 1916 года вблизи... Ой! Какая разница вблизи чего? Мы шли в атаку. Пиротехники чего-то перемудрили, и вместо имитации получился настоящий взрыв. Спасибо – не убили.

Но спасибо я скажу после того, как набью кому-то из них морду! Хватаю лежащую рядом винтовку и выкарабкиваюсь из воронки. Встаю на ноги, опираясь на оружие, как на костыль. Невдалеке какие-то люди. Кричать нет сил, но они и так меня заметили и идут ко мне. Делаю шаг и вижу стремительно несущуюся навстречу землю...

За окном крупными хлопьями падает снег. Минуя голые ветви садовых деревьев, устилает землю, засыпает дорожки, превращает в сугробы скамейки, шуршит по стеклу и валиком скапливается на карнизе. Под снегопад хорошо думается, особенно если есть о чём...

Я уже знаю, что в момент взрыва на новосибирском рынке был чудесным образом оставлен в живых, изъят из 2010 года и вставлен в год 1916. Полагаю, что не просто так, а взамен того, чьи останки, видимо, давно похоронили мои безутешные друзья и родственники. Не знаю, что за могучая сила решила дать мне возможность прожить ещё одну жизнь, но она щедро отвалила мне время на адаптацию в этом новом для меня мире, снабдив тяжелейшей контузией. Неподъёмные головные боли, которые не прошли полностью и сейчас, позволили мне не сойти с ума, а для врачей стали убедительным подтверждением контузии. На неё списали всё: как мои невнятные ответы на конкретные вопросы, так и моё молча-

ние, как следствие частичной потери памяти. В результате я благополучно прошёл все этапы эвакуации от полевого лазарета до тылового госпиталя. Самый тяжёлый период адаптации, когда я, наконец, ясно понял, где оказался, пришёлся на санитарный поезд. Я выл и бился головой о стенку, меня удерживали и кололи морфий. Я успокаивался, засыпал, когда просыпался, снова выл, и меня снова кололи. Потом пришло осознание того, что вой не вой, а через пропасть почти в столетие не перепрыгнешь. Да и куда там прыгать – в могилу? Там моя жизнь кончилась, а здесь я, видимо, зачем-то нужен. Я примерился с обстоятельствами и стал думать: зачем? Ответ я начал искать от своего нового имени: Ежов Николай Иванович. Личность установили ещё в лазарете по клейму на обмундировании и найденному при мне «личному знаку». Я услышал это имя сквозь головную боль. Сразу не понял, что оно имеет отношение ко мне, но запомнил. Не мог не запомнить, поскольку биографию видного партийного функционера, наиболее отметившегося на посту наркома внутренних дел, я – человек, специально изучавший историю Органов, знал хорошо. В царскую армию Ежова призвали в 1915 году. Участие в боевых действиях, ранение – теперь, получается, моё. В 1916 году Ежову исполнился 21 год. И то, что мне самому на момент взрыва на рынке было за сорок, говорило, как ни странно, в пользу моей версии. Дело в том, что после попадания в новый мир я стал выглядеть много моложе. Это я понял, первый раз взглянув

в зеркало уже здесь, в госпитале. Таким я себя помню на старых студенческих фотографиях. Итак, я с великой долей вероятности мог считать, что я тот самый Ежов. Вот только зачем? Над этим вопросом я ломаю голову – исключая те периоды, когда её ломает боль, – уже не одну неделю. Видимо ту, неведомую мне могучую силу что-то не устроило в российской истории. И она решила внести коррективы на одном из самых мощных изломов, в канун Великой русской революции. Почему для своих целей она выбрала меня... А откуда я знаю, что это так? Может параллельно со мной из моего времени сюда перенесено ещё несколько попаданцев, из тех тысяч, а может и миллионов людей, кто всё ещё тяжело переживает провал эксперимента начатого в 1917 году большевиками. Чем плоха была идея дать всем людям равные возможности по реализации себя в приглянувшейся им области науки, техники, культуры? Почему партийная верхушка узурпировала это право исключительно для себя и своих приспешников, создав тем самым новую партийную буржуазию? Итог закономерен: развал и новая революция, названная Перестройкой. Может, перенос меня (или нас) в начало эпохи великих преобразований предполагает создание новой ветви истории, альтернативной той, где я погиб – новый параллельный мир? Думать о том, что мои будущие действия изменят историю в моём бывшем мире, почему-то не хотелось.

Четвёртый день брожу по Петрограду среди хмурых нахохлившихся домов стылых рабочих окраин. Здешнее небо подёрнуто серой дымной пеленой, и можно только догадываться, что там за ней: такие же серые тучи или лазурь бесконечная. В центре города всё по-другому. Чистые метёные тротуары, чистая ухоженная публика. Но там нет места для серых солдатских шинелей, если они пребывают сами по себе, а не внутри грозящего штыками небу строя. Под барабанный бой, с развёрнутым знаменем, – ать-два! – ать-два! – это, пожалуйста, это хоть по Невскому. Чудо-богатыри! Каждый на своём месте, как ровные буквы парадной реляции. А выпавшая из строя буква – это уже не буква, а клякса. Нет, напрямую тебе об этом никто не скажет. Но понять дадут. Взглядом. Неодобрительным, или холодным, мимо, как и нет тебя вовсе. Здесь же, среди высоченных труб и закопчённых корпусов питерских заводов – небо, его, сколько не копоти, оно всё одно копоть на тебя же и отринет – моя серенькая шинель вполне даже комильфо. Хотя, взглядами и здесь не ласкают. Понятное дело – пришлый! А что делать, если не знаю я, где до фронта обитал и работал Николай Ежов? Мне простительно, у меня тяжёлая контузия. Даже отпуск для поправки здоровья выправили. А потом – в часть! А что мне там, на фронте, делать, когда через два месяца грянет в Петрограде революция? Я-то это точно знаю! И место моё здесь. Вот только за что зацепиться?

– Колька, Ежов!

Ух ты, как колотнулось сердце! Оборачиваюсь на голос. Рабочий парень моего возраста, улыбаясь, идёт ко мне. Осторожно улыбаюсь в ответ, жму протянутую руку. Смотрит недоумённо.

– Ты чего, Николай, это же я, Фрол!

– Извини, Фрол, – стараюсь придать голосу вины, – я после госпиталя, сильно контузило меня на фронте, всю память отшибло.

– Вот беда! – сочувствует Фрол. – И что, совсем ничего не помнишь?

Пожимаю плечами.

– Не то чтобы совсем, но вот людей почти не помню.

Смотрит как-то странно, будто решается на что-то. Потом подвигается ближе.

– Слушай, Николай, а пойдём-ка со мной? Тут у нас собрание намечается, расскажешь: как там на войне.

Вот так. Всё очень просто. И удивляться нечему. Главным было найти то место, где тебя знают. Чужака не примут. А своего, да ещё фронтовика, – как такого не привлечь к борьбе с самодержавием? Время теперь такое: предреволюционное. Но мне сразу соглашаться не след. Говорю, как бы в сомнении:

– Так я с фронта почитай три месяца...

– Ничего! – хлопает меня по плечу Фрол. – Что было, про то и расскажешь. Идём?

– Пошли... – не убирая из голоса сомнения, соглашаюсь я...

Дыра в заборе позволила нам проникнуть на территорию завода – я здесь работал? Дошли до котельной. Внутри гудело пламя. Кочегары то и дело подбрасывали в жадно разевающие пасти топки уголь. Один заступил нам дорогу. Поздоровался с Фролом, подозрительно покосился на меня.

– Ты что, не узнаёшь его? – спросил Фрол. – Это же Колька Ежов!

– Я и смотрю, он не он, – произнёс кочегар. В его голосе слышалось явное сомнение.

– Ты не смотри, что он такой, – поспешил успокоить кочегара Фрол. – Его на фронте контузило, напрочь парню память отшибло.

– А-а... – протянул кочегар. – То-то, я смотрю... Ты на собрание?

– А то куда же?

– И этого с собой?

– И что с того? Сам понимать должён: нам люди с боевым опытом во как нужны! А то, что без памяти... Может оно и лучше?

Я старательно изображал, что не слышу их разговора, а про себя радовался – всё шло как надо!

– ...Вот и кончился мой отпуск, Фрол! В четверг на комиссию, а потом, наверняка, на фронт.

Фрол был явно обеспокоен моим сообщением. Переспросил:

– В четверг, говоришь? Это, стало быть, через три дня?

Киваю: – Стало быть, так.

Призадумался мой куратор. И я его хорошо понимаю. Окружил, понимаешь, фронтовика товарищеской заботой. Таскал по митингам да собраниям. Снабжал нужной литературой – благо тот хоть и мало, но грамотный. Присматривался. И только-только начал привлекать к революционной деятельности (помогал я один раз прокламации распространять), как того обратно на фронт отправляют. Дела... Это он так сказал: – Дела... – и заторопился вдруг, сказав напоследок: – Ты, вот что, сильно-то не кручинься. Давай я к тебе вечерком забегу, тогда всё и обсудим в подробностях. Лады?

Я пожал плечами.

– Ну, вот и договорились! – Фрол взметнулся и убежал, думаю, судьбу мою решать.

На исходе года темнеет быстро, а под метель так и ещё быстрее. Идём с Фролом по свежему снежку от одного тусклого фонаря до другого. Он как пришёл вечером, так сразу и велел собираться. На мой вопрос «куда?» со значением в голосе сообщил: «Тут с тобой один товарищ поговорить хочет». Слово «товарищ» он выделил особо.

Двое у стены. При нашем приближении один выходит под

фонарь, обращается:

– Браточки, прикурить не дадите?

Фрол торопливо – видимо, чтобы я не опередил – тянет из кармана спички. Проситель, прикуривая, как бы невзначай, освещает лицо Фрола дополнительным светом. Вместо пароя фейсконтроль, понятно... Вскоре сворачиваем в подворотню. Тень, ещё одна, но к нам больше никто не подходит. Тёмный подъезд, шаткая деревянная лестница. В прихожей неожиданно светло. Нас окружают. Фрол молча поднимает руки. Следую его примеру. Это что – обыск? Фигня это, товарищи, а не обыск! Захотел бы – РПГ пронёс. Да, работы непочатый край! Фрол ведёт меня в небольшую комнату. Мебели, кроме стола и двух стульев, никакой. На столе керосиновая лампа с притушенным фитилём. Фрол подталкивает меня к свободному стулу, и произносит в направлении стула занятого:

– Привёл, товарищ Матвей!

В ответ молчание. Но Фрол, видимо, знает роль наизусть. Он ждёт, пока я не усядусь, потом добавляет в лампе свет, и, как бы невзначай, подвигает её ближе ко мне, поворачивается и покидает комнату. Грамотно: лампа и лицо моё освещает, и глаза мне слегка слепит. Но лишь слегка. Потому общее представление о сидящем напротив мужчине составить можно. Одет как мастеровой, средних лет, пышные усы – настоящие ли?

– Ну, здравствуй, товарищ Ежов! – произносит мой виза-

ви, но руки не протягивает.

Осторожно отвечаю:

– Здравствуйте...

– Товарищ Матвей, – подсказывает собеседник. – Зови меня: товарищ Матвей.

Киваю головой, изображая робость. А товарищ Матвей, тем временем, в форме дружеской беседы начинает допрос. И чем дольше длится беседа, тем становится ясней: никакой он не рабочий, по крайней мере, несколько последних лет. Профессиональный революционер? Несомненно! Из интеллигентов? Очень может быть! А потому, Ёрш (я ведь всё-таки ещё и Николай Ершов), следи за языком. Почует в тебе товарищ Матвей не паренька с рабочей окраины, пусть и нюхнувшего пороху, а человека по грамотности не уступающего себе и хлопнут тебя в этой же квартире как провокатора. Но обошлось. Беседа идёт к концу, и чувствую я, как подобрел ко мне товарищ Матвей. За своего может ещё и не держит, но в сочувствующие записал точно. Наконец добрались до главного.

– На фронт ты, товарищ Ежов, больше не пойдёшь! – тоном, с которым не поспоришь, заявляет товарищ Матвей. – На фронте у нас людей хватает. Нам тут надёжные товарищи с боевым опытом позарез нужны. Гнойник самодержавия вот-вот лопнет, рабочие возьмутся за оружие. И тогда такие как ты поведут их в бой!

Немного пафосно, но очень верно. Я-то знаю, что «вот-

вот» наступит в конце февраля грядущего года.

Видимо решив, что я вполне проникся нужной идеей, товарищ Матвей подвёл итог беседе:

– Твой вопрос решим в ближайшие дни. Понадобится – перейдёшь на нелегальное положение. – Встал и протянул мне руку.

Глава четвёртая

ГЛЕБ

Ветер замотал в снежный кокон и попытался повалить с ног. Я покрепче упёрся ногами в землю, продолжая прикрывать лицо от колких снежинок. Ветер взвыл с досады и унёсся прочь, прихватив снежный заряд, в поисках кого похлипче. Я распрямился и убрал руку от лица. Вот те нате! А где «сидор»? Я, конечно, любитель и потравить, и послушать анекдоты, например, «про геолога и эхо». А вот оказаться в центре этого анекдота мне совсем не понравилось. Волчком завертелся на месте пытаюсь отыскать глазами чёртов вещмешок. Помню: падал он в паре шагов. Куда подевался? Ветер унёс? И куда у них освещение делось? Ведь только что было. Посмотрел в сторону вокзала и замер, как волк, почуявший западню. Нет, вокзал был, но не тот, который я видел пару минут назад. В свете покачивающегося на ветру скупердяйского фонаря проступали контуры одноэтажного здания старой постройки. Таких вокзальчиков, построенных ещё при царе Горохе, и по сей день немало на Транссибирской магистрали. А что ещё не так? Посмотрел в сторону путей. Куда подевалась станция? Вернее, куда подевался крупный железнодорожный узел станция Барабинск? Где мачты

контактных проводов? Где составы, чёрт возьми! Мощные, длинные, внушающие уважение. А не этот огрызок в два десятка хилых вагончиков, похожих на теплушки. И что там пытит у него на конце? Паровоз?!

Стоп, Абрамов! Теперь думать. Мистику и розыгрыш отбрасываю сразу. Мистика хороша в кино, а для розыгрыша слишком затратно. Тогда что? А то, товарищ подполковник, что, похоже, оторвали тебя от жирной сиськи, не дав и отхлебнуть-то как следует, и сунули в какую-то передрагу, пока непонятно какую. То, что без спросу, это как раз не удивительно. С НИХ станется! С кого «с них»? Это пока не столь важно. Главное – зачем? Ключевым моментом является вихрь и звук колокола. До них была пьяная троица и Барабинск, после – нет. Похоже, на мне испытали новое психотропное средство. Ввели, скорее всего, заранее, а во время вихря активировали. Интересно, как долго я был в отключке: несколько часов? – сутки? – больше? По крайней мере, времени хватило на то, чтобы переправить меня в другое место. И что теперь? ОНИ там у себя потирают, небось, потные – мне почему-то приятно думать, что они у них потные – ладошки и ждут, как поведёт себя подопытная мышка. А не сунуть ли мне нос в мышеловку, то бишь, не пойти ли прямоком на вокзал? Стоп! Без денег и документов, – они остались в пропавшем «сидоре» – с карабином за плечами, в странном прикиде и с карманами набитыми царскими деньгами?

С деньгами мне Макарыч подсуропил. У моих «охотнич-

ков» вошло за правило в период охоты играть в преферанс исключительно на царские деньги. Сунулся, было, к коллекционерам, но там такие бабки запросили, что я, признаться, приуныл. А Макарыч, как прознал про мою беду – только хмыкнул. Поскрёб по своим милицейским сусекам и набрал мне пригоршню монет и несколько бумажек, или бон, как он их назвал. Наши современные деньги я хранил в бумажнике, который теперь тю-тю, а эти рассовал по карманам.

Идти со всем этим добром на вокзал – это идти до первого патруля. Дальше или «обезьянник», или психушка. Спрятать пока карабин и деньги? Ага, ещё и одежду и прийти на вокзал в трусах и тельнике. Дальше то же: патруль – «обезьянник» или психушка. И ОНИ всё это наверняка просчитали. Значитца так, уходим в сумрак, пока не прояснится, во чём мы тут играем.

Я повернулся спиной к путям и пошёл напрямиком в тень. Уткнулся в ограду, перемахнул через неё и оказался на подсвеченной свежевывавшим снегом улице. И куда теперь? Короткий вскрик разорвал морозный воздух. Похоже, женщина кричала. Прислушался. Тихо. Постоял. Ничего, кроме подвывания ветра. Может его шуточки? Нет, опять крикнула, только теперь как-то сдавлено. Не знаю, на что тут меня проверяют, только этого я терпеть не буду! Бегу на крик. За углом какая-то возня. Подбегаю ближе. Три амбала ломают какую-то девушку. Она, хоть и с зажатым ртом, но брыкается изо всех сил. Кричу:

– Вы что творите, гады?!

Один отделяется от кучи-малы и ко мне. И сразу тычет кулаком в лицо. Естественно не попадает, а я, естественно, попадаю, он падает. Этот пока не страшен. Бегу к остальным. Не больно-то ребята ловки. Против меня могли бы и покрепче бойцов выставить. А может специально так, чтобы я их не сильно покалечил? Короче, даже чехол с карабином сбрасывать не пришлось, всего-то по разу и приложился. Как поднялись, так в разбег. Мы на тренировках и то жёстче махались. Подхожу к девахе. Сидит в сугробе, таращится. Наклоняюсь, протягиваю руку. Суёт мне свою ладошку в варежку. А деваха-то, вроде, симпатичная!

Хлопает ресницами и произносит, как колокольчик прозвенел:

– Спасибо вам, дяденька!

Рассмешила она этим своим «дяденька». Отвечаю сквозь смех:

– На здоровье, тётенька!

Взмахнула от удивления ресницами и залилась звонким смехом. А я уже посуровел и строго так спрашиваю:

– И чего же ты удумала в такую темень одна гулять?

Но меня она, похоже, совсем не боится, отвечает так же весело:

– Так и не гуляю я вовсе. Я домой от подружки иду.

– Ну, ежели от подружки, тогда конечно, – соглашаюсь я с её непробиваемым по своей наивности аргументом. – Пой-

дём, провожу, что ли?

Помог ей отряхнуть полушубок, и она пошла впереди, а я, стало быть, сзади в боевом охранении. Недолго шли. Встали у низкого палисада, за которым тускло светиться одно из трёх выходящих на улицу окон деревянного дома.

– Вот я и пришла.

А мне что ответить?

– Прощай, – говорю, – тогда.

Замешкалась, может, что сказать хотела? Но, видно, передумала, или постеснялась, но махнула рукой и пошла к калитке. А я стою, дурак дураком, и сам себе думаю: «А ночевать-то ты на улице собираешься?»

– Постой, – кричу, – красавица!

– Остановилась, повернулась, смотрит вопросительно.

– Не подскажешь, – спрашиваю, – где человеку приедем переночевать можно?

Задумалась. От напряжения мысли аж губку нижнюю прикусила. Сверяется со сценарием? Наконец нашло на неё просветление. Оставила губу в покое и ответила довольно решительно:

– А у нас и переночуете!

А мне ещё поиграть хочется. Спрашиваю, как бы в сомнениях:

– А удобно, родители против не будут?

Изобразила и она сомнение, потом обнадёжила:

– Отец у меня, конечно, строгий, но как прознает, что вы

для меня сделали, смилостивится.

Ну, смилостивится, так смилостивится. Топаю за ней в хату. Через сени входим в большую комнату и застываем у порога.

– Тятенька, я гостя привела!

Крикнула вроде и весело да как-то неуверенно. Какой у них мудрёный сценарий! В комнате полумрак. От керосиновой лампы много ли света? Из-за стоящего у дальней стены стола поднимается мужик и идёт к нам. А девчонка тараторит, что твой пулемёт, и про то, как напали на неё по дороге домой лихие люди, и про то, как я её спас. Закончила фразой:

– Спаситель мой – человек приезжий. Пусть он у нас переночует?

Мужик подошёл совсем близко, встал, глядит исподлобья. Однако в конце дочкиного рассказа лицом подобрел и руку протянул.

– Добро пожаловать! – говорит.

Девчонка явно обрадовалась такому исходу и стала раздеваться, ну и я следом за ней. Тапочек мне не предложили, да они тут и не нужны. Кругом чистота и порядок. На полу тонкие половики. Иду по ним к столу. По пути бросаю взгляд на стену. Чудно, однако! ОНИ меня что, не только в пространстве, но и во времени «переместили»? Вся стена оклеена старинными картинками. Тут и корабли, и экипажи, и портреты разные. Ба, да это, кажись, Скобелев. А это

никак Николай Александрович Романов собственной персоной? А вон новогодняя открытка. И надпись буквами до-революционного алфавита: «С Новым, 1916 годом!» Спасибо, что подсказали. Буду теперь знать, в каком году предстоит мне действовать. В углу иконы, как я их сразу не заметил? Садимся за стол. Девушка, а она действительно красавица, хлопочет, накрывая на стол. Артист – непрофессионал так не сыграет – изображающий хозяина дома, одет, видимо, по моде тех времён. Стоп! Так и я ведь не хуже. Ну, Побегайла, ну сукин сын! Так это что, с самого начала была подстава? Работа, охота, прикид на старинный лад, преферанс на царские деньги? Чегошъ такого-эдакого от меня хотят при такой-то подготовке?

Тем временем стол накрылся по всем правилам русско-го хлебосоля. Огурчики да помидорчики солёные, капуста квашеная да с клюковкой, брусничка мочёная, грибочки, сало копчёное да колбаска домашняя, ну и хлебушек душистый. И всё, заметте, своё, не магазинное! А вот и водочка по стопочкам! Не знаю, может какого продвинутого историка такая реконструкция и привела бы в уныние, а по мне так всё очень убедительно. Девушке водки не предложили. И правильно, детей тогда в строгости держали.

Выпили мы по одной, закусили, хозяин и говорит:

– Я так понимаю, на улице вам не до знакомства было, а теперь в самый раз. Я машинист паровозный Василий Митрофанович Знаменский. Это дочь моя, Варвара. А вас как

звать величать?

– Глеб Васильевич Абрамов. Род занятий, как бы это точнее выразиться... – путешественник я. Возвращаюсь теперь из дальних странствий. В ваших краях оказался случайно. Были у меня с собой вещи да ружьишко. Теперь осталось одно ружьишко. Вещи мои кто-то из напавших на вашу дочь умыкнул при бегстве. А там и документы были.

– Дела... – сочувственно покачал головой Василий Митрофанович. – Видишь, Варька, как человек от твоего безрассудства пострадал? А ведь упреждал я тебя беспутную.

– Тятенька! – вскричала, вспыхнув, Варвара. – Зачем вы меня при постороннем-то человеке позорите?

Я наблюдал за разыгранной передо мной семейной сценой и радовался. Когда я последний раз на спектакле-то был? А тут оказался прямо на сцене да при таких актёрах. Как натурально играют! Кончилось тем, что Варвара убежала готовить для меня комнату, а Василий Митрофанович доверительно забасил:

– Ты, Глеб Васильевич, извини, что Варвару при тебе пожурил. Девка она хорошая, да и дочь послушная. Она ведь после того, как схоронили мы Марьюшку, жену мою и мамку её, за хозяйку в доме. Почитай уж два года.

Василий Митрофанович взгрустнул и вновь наполнил гранёные стопочки. Мы выпили и он продолжил:

– Я ведь при работе своей нечасто дома бываю. И за Варюху у меня душа болит. Прознаю, кто на неё напал, убью!

А тебе ещё раз поклон низкий.

– Да, ладно, дело прошлое, – пробормотал я.

– Замуж её надо отдать, – пооткровенничал Василий Митрофанович. – Когда она при муже, мне покойнее будет.

– А что, есть жених на примете? – полюбопытствовал я.

– Да есть тут один, – неопределённо ответил Василий Митрофанович. – Мастеровой из железнодорожных мастерских. Вот ежели бронь не отымут да на фронт не пошлют, на следующий год свадьбу сыграем.

Какой фронт? Ах, да, у них же по сценарию Первая мировая война идёт.

Вернулась Варя и сказала, что комната для меня приготовлена. Я непроизвольно зевнул. Василий Митрофанович разом засуетился.

– И то верно. Спать пора. Я, Глеб Васильевич, с утра пораньше в поездку отбуду, так ты у нас ведь поживёшь денька три?

– Вполне возможно, – неопределённо ответил я. – Если не стесню.

– Да Бог с тобой, какое стеснение, живи, сколько надо, – замахал руками Василий Митрофанович. – Ну, стало быть, ещё увидимся.

Комнатка, куда меня проводила Варвара, была невелика. И почти половину её занимала кровать, на которой было навалено такое количество пуховиков и подушек, что я даже растерялся. Часть подушек я переместил на одинокий стул,

а пуховики сбрасывать на пол не решился. Разделся, потушил лампу и одним прыжком вознёсся на пуховую гору. Вот это кайф! Куда там ортопедическим матрацам!

Давно я так отменно не высыпался! И понежился бы ещё в постели, кабы было с кем. А так встал, натянул штаны и прошёл в горницу. Варвара уже хлопотала подле стола. Поулыбались друг другу, поздоровались, и я пошёл умываться.

За завтраком говорили о пустяках, потом я спросил:

– А скажи мне, далеко ли отсюда до города Барабинска?

Мой вопрос явно озадачил девушку.

– Так нет здесь такого города, – немного растеряно ответила она. Весь наш край зовётся Бараба. А ближний город – Каинск. Верстах в десяти отсюда. А тут станция – Каинск-Томский.

Мною начало овладевать раздражение. Устами этой девчонки меня пытаются убедить, что никакого пространственного перемещения не было, а было лишь временное, но не мнимое, а взаправдашнее, и я теперь – подумать только! – в 1916 году. И Куйбышев не Куйбышев, а Каинск, и Барабинск не город, а посёлок при станции.

Видимо, мои мысли отразились на лице. Варвара забеспокоилась, – боится провалить задание? – робко предложила:

– Не желаете, Глеб Васильевич, по центру пройти?

А что? Хороший способ распознать их «потёмкинскую деревню». Ладно ночь, на свету-то я ИХ маскировку враз разоблачу! Согласился и пошёл одеваться.

Сначала шли в тылу вокзала. Со станции доносились исключительно паровозные гудки. Меня начало разбирать веселье. Так бы и поверил во всё, но идём-то мы по тротуару! – пусть он и под снегом. А вот как ковырну сапогом и уткнусь носком в асфальт! И ковырнул, и уткнулся, но не в асфальт, а в дерево. Да-а... тут они меня умыли. Мог быть тогда здесь деревянный тротуар, как есть мог! А мы уже отвернули от вокзала и идём туда, где народу погуще. А как вышли на площадь, так я чуть в снег и не сел! Народ, дома, вывески – всё оттуда, из прошлого! Вот только не станет никто ради меня такой огород городить, ни при каком раскладе! А это значит...

Стою, как вкопанный, и, как через вату, слышу взволнованный Варин голос:

– Глеб Васильевич, что с вами?

Собираю остатки воли в кулак, трясую головой и отвечаю:

– Ничего страшного, сейчас пройдёт. Смотрю на взволнованное личико, через силу улыбаюсь:

– Бывает со мной такое. Уже почти прошло... Скажи-ка мне, где у вас можно газету купить?

– Так на почте. – Предлагает: – Хотите, я сбегаяю?

Нащупываю в кармане монеты, протягиваю ей горсть.

– Сбегай, голубушка, не сочти за труд. – И откуда мне та-

кие слова на язык идут?

Выбрала несколько монет, убежала. А я стою и от воздуха морозного постепенно прихожу в себя. Ну вот, вроде оклемался. Теперь все мысли прочь, кроме как о дне текущем. Ночью поразмышляю! Возвращается Варя, протягивает газету. Смотрю на дату. 5 ноября 1916 года. Вчера у нас было 17-ое... Куда подевались две недели? А какая, на хрен, разница? Главное – год 1916! Нет, это до вечера, иначе сорвусь прямо тут, на улице. Сворачиваю газету, сую в карман, поворачиваюсь к Варе.

– Ну, что, Варвара Васильевна, продолжим прогулку?

Так погуляли, что к вечеру мне стало стыдно. Лежу сейчас на мягких перинах и вспоминаю Варины глаза. Что же ты Глеб Васильевич наделал? Зачем влюбил в себя девчонку? Скажешь, ничего особенного? Ну, приударил слегка, чтобы заслониться от тоски великой. Ну, одарил сладостями да безделушками. Эка проблема! Для двадцать первого века, да, не проблема. Подарила бы тебе какая ветреница взамен ночь, а с утра упорхнула бы и имени не оставила. Разве что номер мобильника помадой на зеркале. Взял бы салфеточку и стёр и номер, и её из жизни – вся недолга! Но тут-то начало века двадцатого. Тут такие знаки внимания так просто не оказывают. И раз приняла их барышня, значит ясно дала

понять: неравнодушна она к тебе. А тебе-то это надо? А почему нет? Варя девушка красивая и, что важно, чистая. И коли попал я в такой переплёт, мне что, оставшийся век одному куковать? А почему ты так уверен, что попал сюда один? Вспомни про вспышку, явно не от фотоаппарата, на берегу Оби, и колокол... А потом погиб Ёрш, и Ольга обмолвилась, что не верит, что это его тело лежит в гробу. Ольга... Ведьма моя ненаглядная. Где ты сейчас? Может в поисках муженька своего непутёвого пробираешься меж мирами? И ребята: Колька, Мишка – все, кто был тогда под прицелом объектива тоже здесь, или скоро здесь будут? Есть у тебя на этот вопрос однозначный ответ? То-то и оно... Так и маялся между Ольгой и Варей, между тем веком и этим всю ночь, забывшись тревожным сном лишь где-то под утро. А когда встал и пошёл к зеркалу, что висело на стене в бывшей Вариной светёлке, ставшей теперь моим пристанищем, то увидел то, чего раньше не заметил: Глеб Абрамов стал как будто значительно моложе. Нет, не может быть. Да, точно! Небольшой шрам на правой скуле, правда, и раньше был еле заметен, но теперь-то исчез вовсе! А ему вроде как лет пять? Долой тельник! Все свежие шрамы как корова языком слизнула! Погоди, а где тот, чуть левее и ниже левого соска. И его нет? А это, почитай, все двенадцать лет! Остальные на месте. Выходит ТЕ, кто со мной так пошутили, в качестве моральной компенсации, скинули с меня годков десять с гаком? Ну, хоть что-то.

Глава пятая

МИХАИЛ

Я ухватился за крестик, пытаюсь выдернуть его из углубления, и он неожиданно легко прыгнул мне в руку. Засунул его обратно за пазуху и повернулся к принявшему обычный вид зеркалу спиной. Герцог в комнате не наблюдался. Видимо так перепугался, что убёг болезный к «мамочке». Пойду и я, порадую Ольгу открытием. Но лишь только я вышел за дверь комнаты и принялся спускаться по лестнице, ведущей на нижний этаж, как тут же тяжело опустился на ступеньку. Внизу всё было не так. Не так, как было в 2010 году, но, наверное, так, как было в 1916. Я окликнул Ольгу, так, на всякий случай, уже понимая, что ответа не будет. Герцога и звать не стал. И пёс, и Ольга были теперь от меня много лет вперёд по ту сторону зеркала. Ольга! Господи, что она сейчас обо мне думает? Вскочил и быстро вернулся к зеркалу. Оттуда на меня посмотрел заметно помолодевший я – лет десять скинул, не меньше! Мне бы такому пердимоню радоваться, а я ужасно огорчился: выемка для крестика исчезла, как и не было её! Теперь между мной и Ольгой пропасть шириной без малого в столетие. Появится ли вновь мост, по которому я ту пропасть перешёл? Почему-то вери-

лось, что да. Сейчас же мне не оставалось ничего другого, как осваиваться в новом мире.

Нащупал в кармане халата ключ, отодвинул книжную секцию и открыл сейф. Всё было на месте. В этом я, слава богу, не ошибся. Взял с полки браунинг, зарядил и положил в карман халата. Подумал и взял несколько бон, запер сейф, а ключ определил рядом с браунингом. Оказавшись при оружии и при деньгах, я стал чувствовать себя значительно увереннее и заметно успокоился. Спустился вниз, посмотрел в окно. Липкий декабрьский вечер, как губка, впитывал в себя сгущающуюся тьму. С неба, как всегда, моросил толи снег, толи дождь. Канал Грибоедова, видимо ставший теперь вновь Екатерининским, в блёклом урбанистическом обрамлении, на первый взгляд, ничем не отличался от того, в Зазеркалье. Я, было, впился глазами в одинокого прохожего, но размытый силуэт не позволил определить, в каком точно веке он спешил под моими окнами. Я оставил никчёмное занятие и пошёл осматривать квартиру. В отличие от изящно обставленной верхней комнаты, внизу всё было простенько. Осмотр немногочисленных шкафов не выявил наличия еды, зато нашлось некоторое количество одежды. Присутствие второго радовало больше чем отсутствие первого, ибо пришёл я в этот мир, как есть, в халате и тапочках. Теперь было в чём выйти на улицу, чтобы разжиться той же едой. Не сейчас, конечно, – утром. Идти ночью в незнакомый город – а он стал для меня именно таким – я счёл излишне рис-

кованным. Одиночество натошак – вот что выбрал я для себя на этот вечер. В выборе и того и другого я сильно ошибся...

Почему-то не хотелось включать свет. Но когда стал впотьмах наткаться на мебель и основательно зашиб ногу о стоящее в прихожей кресло-качалку, то понял, что должен сделать выбор: или срочно в койку, или придётся всё-таки зажечь свет. Спать не хотелось, и я начал просчитывать дорогу к выключателю, когда в замке входной двери лязгнул ключ. Времени на раздумье не было, и я просто опустился в кресло-качалку; рука в кармане халата, в руке браунинг. Щелчок взводимого курка совпал с шумом открывающейся двери. Неяркий свет, проникший в квартиру из коридора, высветил шагнувшую за порог фигуру, очевидно мужскую; в одной руке саквояж, в другой – трость. По тому, как долго мужчина, опустив на пол саквояж, нашаривал выключатель, становилось ясно, что он в этой квартире впервые. Наконец-то свет в прихожей зажётся, и мужчина затворил входную дверь. Трость отправилась в угол на специальную подставку, «котелок» с головы и пальто переключевали на вешалку, пришёл черёд снимать калоши. Я наблюдал за действиями незнакомца, слегка покачиваясь в кресле-качалке, в ожидании, когда же он, наконец, изволит меня заметить.

Это случилось сразу после того как он отставил в сторону калоши, выпрямился и повернулся ко мне лицом. Выдержки ему было не занимать. Ни испуга, ни особого удивления. Враз напрягшаяся фигура и колючий взгляд устремлённых

на меня серых глаз. Я смотрел на него слегка иронично и покровительственно. Мол, сюрприз, а мы тебя тут ждали! Видимо мои актёрские способности оказались на высоте. Мужчина слегка расслабился и отвесил мне шутливый полупоклон.

Здравствуйте, Пётр Евгеньевич, или вам больше по душе обращение «господин полковник»? Признаться, не ожидал вас здесь теперь увидеть. Отчего такая честь?

Я продолжал сохранять прежнее выражение лица, а сам лихорадочно думал, что в такой ситуации следует ответить? Пауза явно затянулась и мой визави вновь напрягся. Он посуровел лицом, неожиданно быстро схватил двумя руками трость и каким-то зловещим тоном произнёс:

– Как здоровье тёти Нины?

Это явно был пароль, отзыв на который я не знал. Но и молчать дальше было невозможно, поэтому я, как можно более спокойно, ответил:

– Слава Богу, ей заметно лучше.

Удивительным было не то, что я не угадал ключевую фразу, а то, как быстро отреагировал на это незнакомец. Три действия в его исполнении слились в одно: движение двумя руками одновременно, обнажило спрятанный в трости стилет, широкий шаг в мою сторону и выпад рукой с клинком. Лезвие едва не коснулось моей груди. Сделай мужчина ещё один шаг, и мне бы пришёл конец, но поперёд этого карман моего халата разразился выстрелом. Выстрелил я наугад, но по-

пал удачно. Мужчину качнуло назад, с левой стороны груди на его белоснежной рубашке проступило и стало быстро расплываться алое пятно. Серые глаза глянули в вечность и стали стекленеть, рука выпустила стилет, тело посыпалось на паркет. Я быстро встал, глянул на дырку в кармане, спашую мне жизнь, но безнадёжно испортившую халат. Где-то я видел ещё один, такой же... Я наклонился над женщиной, убедился, что в этом мире его больше нет, потом опустился обратно в кресло. Фактов уже набралось достаточно. Пора над ними поразмыслить. Что мы имеем? Странная квартира, попаданец из будущего и труп, в свою бытность живым, носящий в трости стилет и знающий о существовании некоего полковника по имени Пётр Евгеньевич, но не знающий его в лицо. И хоть режьте меня, хоть на запчасти разбирайте, но это ж-ж-ж неспроста! И что мне подсказывает чутьё оперативника? Квартира, скорее всего, конспиративная. В ней некий полковник Пётр Евгеньевич, носящий, надо полагать, голубой мундир, встречается со своими агентами, некоторых в ней же на время и селит. То, что я и труп попали в неё в один и тот же день... Стоп! Что это я всё труп да труп? Были ведь у него и имя, и фамилия, и, не побоюсь этого слова, отчество. Обыскать труп для человека привычного дело нехитрое. Помимо обычной бытовой мелочи внимания заслуживали четыре предмета. Пистолет системы Браунинга, толстая тетрадь в кожаном переплёте и две книжки: паспортная и записная. Начал я, естественно, с изучения

личности лежащего на полу человека. Аркадий Генрихович Войновский, мещанин, возраст 37 лет, православный, город Пенза, холост, от воинской повинности освобождён по состоянию здоровья. Ну, ну... Браунинг, калибр 7,65 мм. Излюбленное оружие российских террористов, родной брат того, что несколькими минутами ранее безнадёжно испортил мне халат, попутно отправив на тот свет господина Войновского. За что боролись... Толстая тетрадь больше чем наполовину исписана мелким витиеватым почерком, причём по-французски. Похоже на рукопись авантюрного романа. Так он ещё и литератор – был. Записную книжку сразу открываю на букве «П». П.Е. и напротив цифры. Листаю остальные страницы. Записи на них мне пока ни о чём не говорят. Впрочем, как и цифры напротив инициалов полковника. Их четыре. Номер служебного телефона?

В прихожей зазвонил телефон. Так, началось! Обхожу мещанина Войновского, подхожу к аппарату, снимаю трубку. Слышу уверенный мужской голос:

– С благополучным прибытием!

– Ни те здрасте. Невежливо как-то. Если только... Отвечаю:

– Спасибо.

Пауза. Потом тот же голос с некоторым намёком:

– Вы ничего не хотите добавить?

Так и есть! Похоже, насчёт конспиративной квартиры я не ошибся. И теперь от меня по всем правилам хотят услы-

шать пароль. Какое счастье, что я не пристрелил Аркадия Генриховича до того, как он его назвал.

– Как здоровье тёти Нины?

– Увы, пока без изменения.

Не удивительно, что он бросился на меня с клинком. А голос продолжил:

– Здравствуйте, господин... Впрочем, как я буду вас именовать решим при личной встрече, не возражаете?

– Нисколько. Здравствуйте... Пётр Евгеньевич, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Как добрались?

И тут мне пришла в голову безмерно рискованная, до тошноты авантюрная, но, в случае успеха, решающая многие проблемы идея.

– Доехал хорошо. А вот приехал не очень.

Голос полковника сразу напрягся:

– Что произошло?

– Долго рассказывать, но сейчас вместе со мной в квартире труп и...

– Не продолжайте! – резко прервал меня полковник. – Я выезжаю.

Сколько у меня в запасе времени? Думаю – полчаса. Надо набросать версию для полковника. Скажем так: он пришёл, представился Петром Евгеньевичем, разделся, когда я спросил пароль – схватился за браунинг. Вроде всё логично. Браунингом я решил пожертвовать из соображения, что

один у меня уже есть, а вот тросточка мне пригодится. Теперь одежда. То, что на нём, пусть остаётся, не по кайфу мне покойников раздевать. А вот пальто и «котелок» надо примерить. Ведь до дома его могли вести, а, значит, у полковника может быть описание того, как он был одет. Мы с ним примерно одного роста и комплекции. Не то чтобы совсем, но подходит. Эту одежду забираю, а вместо неё размещаю на вешалке то, что подобрал по шкафам для себя: полупальто военного покроя, клетчатое кепи и краги. Как-то так... Стоп! Если его вели, то могли запомнить лицо. Всматриваюсь в заострившиеся черты. Лицо как лицо. Гладкое, чисто выбритое. Совсем как у меня. Может, мы чем-то даже были похожи. Ладно, чего гадать, вряд ли они его хорошо разглядели впотьмах. А фотография? Если у полковника есть его фотография! Ну, не знаю, в таком случае буду действовать по обстановке. Теперь карманы. Не могли они у него быть совсем пустыми. Возвращаю в них кое-какую мелочь. Остальные вещи покойного отношу наверх и запираю в сейф.

Когда в дверь позвонили, я пошёл открывать, будучи готовым ко всему.

На пороге стоял высокий спортивного сложения красавец, типичный русак, со щёгольскими усиками над верхней губой. Одет он был, как мне подумалось, на английский манер: свободные, заправленные в высокие ботинки штаны, полупальто военного покроя, кепи на голове и кожаные краги на руках. Окотив меня светло-голубым взглядом, прише-

лец произнёс: «Здравствуйте, я полковник Львов» – заставил меня посторониться, прошёл в прихожую и склонился над телом. Я закрыл дверь и остался стоять подле неё, наблюдая за действиями полковника и размышляя о том, как я угадал с одеждой. Только кепи на голове полковника было не клетчатое, а однотонное. Он повернул ко мне голову, оглядел с ног до головы и недовольным тоном спросил:

– Почему вы так на меня смотрите?

Я молча кивнул в сторону вешалки. Полковник встал и подошёл к якобы одежде покойника. Осмотрел, проверил карманы, потом вновь повернулся ко мне.

– Говорите, он в этом пришёл?

Я кивнул.

– И представился моим именем?

Я кивнул ещё раз.

– Эти господа неплохо изучили мои привычки, – задумчиво произнёс Львов. – Я ведь так одеваюсь нечасто, только когда сам сажусь за руль автомобиля. На встречу с вами, ввиду её особой секретности, я прибыл бы именно в таком виде. Вы его обыскали?

Я попытался изобразить на лице брезгливость, и видимо это у меня получилось, поскольку полковник, не скрывая досады, сам принялся за выполнение этой процедуры и проделал это весьма профессионально. Не найдя в карманах убиенного мной Войновского, у которого я отнял не только жизнь, но теперь, похоже, и имя, ничего интересного пол-

ковник вновь обратился ко мне с вопросом:

– Из чего вы его?

Я достал из кармана халата браунинг и протянул полковнику. Тот осмотрел оружие и положил себе в карман, одновременно задав следующий вопрос:

– У вас есть мой номер телефона?

Я решил назвать те цифры, которые в записной книжке Войновского значились напротив инициалов П.Е., и видимо не ошибся, поскольку полковник воспринял их как должное.

– Почему тогда сразу не протелефонировали?

Я пожал плечами:

– Не успел.

Полковник что-то прикинул в уме и видимо счёл мой довод убедительным.

– Ладно, подымайтесь наверх и ждите меня там. Я решу вопрос с этим господином, – полковник кивнул на труп, – и присоединюсь к вам. Да, смените халат, – полковник кивнул на дырку в кармане, – в гардеробе должен быть ещё. А этот... в камине сожгите, что ли...

Я кивнул в знак согласия и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. А полковник принялся крутить ручку телефонного аппарата.

Пока жандарм избавлялся внизу от трупа, – чем ещё он мог там заниматься? – я решил полистать тетрадку Войновского. Достал её из сейфа и стал читать, благо французским я владею в совершенстве, как и методом быстрого чтения

через лист наискосок. С первых же страниц меня посетила смутная догадка: а не свои ли похождения описал господин Войновский в форме авантюрного романа? И чем дальше я читал, тем твёрже догадка перерастала в уверенность. Себя, себя изобразил голубчик под личиной некоего авантюриста. Приврал, конечно, немало, не без этого, но так на то он и роман. А для меня так просто кладёшь полезной информации. Во-первых, рукопись прямо указывала на то, что пензенский мещанин Аркадий Генрихович Войновский был тщеславным авантюристом. О тщеславии автора рукописи говорило само её наличие. Чем как не тщеславием можно объяснить причуду изобразить самого себя под именем Леонида Викентьева в качестве главного героя романа? А уже содержание романа говорило о его авантюрных наклонностях. А мог ведь стать учёным! Юноше из провинции гранитный камушек науки оказался вполне по зубам. Как следствие, первый в выпуске физико-математического факультета (естественный разряд) столичного университета. Но не Ломоносов, а граф Калиостро был его кумиром. Потому оставлена Родина и да здравствует заграница! Благо отцовское наследство – известный был в Пензе человек – это позволяло. Добрался аж до Америки, где какое-то время работал под руководством самого Николы Теслы. Потом их пути-дорожки разошлись. Войновский отошёл от науки и увлёкся идеей революционного преобразования мира. Восхищался Кропоткиным, но примкнул к эсерам, вступив в одну из боевых дру-

жин. Отличился в нескольких акциях, и его собственные акции в революционной среде заметно поднялись в цене. Потом ему это наскучило, и Войновский, дабы взбодрить кровь, решился на предательство. Он сам предложил свои услуги охранке став одним из наиболее ценных и наиболее секретных её агентов. Числился Войновский за ростовским управлением. И хотя в рукописи Ростов именовался южным российским городом, не узнать его по описанию было невозможно.

Во-вторых, я теперь многое узнал о человеке, который сейчас внизу отдавал приказы относительно тела: дактилоскопия, система Бертильона и всё такое. И хотя это неминуемо приближало моё разоблачение, я не мог отказать полковнику в праве отдавать подобные распоряжения, ибо сам, будучи на его месте, поступил бы точно так же. Я ещё раз перечитал абзац, на котором обрывалась рукопись.

«... Приказ от полковника Разгуляева срочно явиться на встречу, Викентьева насторожил. Ведь только днями тот сам предложил ему поучаствовать в операции, проводимой контрразведкой. Тогда Викентьев сразу дал согласие. Роль провокатора стала ему докучать, и он был не прочь вовсе перебраться под новое начало. Разгуляев лично передал его с рук на руки полковнику Конни и предупредил, что с этой минуты и до окончания операции он переходит в его полное подчинение. Сегодня на пять часов пополудни Конни назначил ему встречу, а на два часа его затребовал Разгу-

ляев. Согласитесь, более чем странно! Во время встречи, которая по обыкновению прошла на конспиративной квартире, Разгуляев был необычно сух, явно раздражён, а приказ, отданный им, был весьма лаконичен: оставить все дела и сегодня же отбыть в Петроград в распоряжение полковника Рычалова. Дополнением к приказу были лишь имя-отчество нового куратора, номер его служебного телефона, адрес квартиры, куда надлежало вселиться и место, где лежал ключ. На вопрос Викентьева, как быть с назначенной на вечер встречей с полковником Конни, Разгуляев потребовал назвать ему место встречи, после чего объявил, что разговор с контрразведчиком берёт на себя. Викентьев был человеком любопытным, а во всём, что касалось лично его – вдвойне. Потому он, ничтоже сумняшеся, решил разговор двух полковников подслушать. Благо, столичный экспресс отходил поздно вечером.

Место, где была назначена встреча, было укромным, все подходы к нему хорошо просматривались, и подойти незамеченным не представлялось никакой возможности, если не спрятаться загодя. Что Викентьев и сделал. По условиям маскировки, происходящего он видеть не мог, зато всё слышал. Даже то, как задёргалась нога Конни, когда слышались приближающиеся шаги.

– Как это прикажите понимать, господин полковник! – голос контрразведчика не был громок, но аж звенел от напряжения.

– Саша, бога ради, успокойся, – в голосе Разгуляева звучали просительные нотки.

«Саша... – так они ещё и друзья! – подумал Викентьев. – Впрочем, мог бы и догадаться. Стал бы он отдавать своего лучшего агента кому ни попадя». Меж тем разговор двух полковников уже перетёк в спокойное русло.

– ...Приказ за подписью генерала Никольского я, сам понимаю, не исполнить не мог.

– Значит, в распоряжение Рычалова... – задумчиво произнёс Конни.

– Да, в распоряжение главы недавно образованного секретного подразделения полковника Рычалова, – подтвердил Разгуляев. – Да ты его, верно, должен был знать ещё по Петербургу?

– Как же, – процедил сквозь зубы Конни, – знавал, конечно, хотя коротко знакомы мы не были.

– Так, верно, ты знаешь и благодаря какому случаю ему удалось столь высоко взлететь?

– Не точно, я ведь за его карьерой не следил, но догадываюсь...

– Не томи, Саша, – попросил Разгуляев.

– Ты и сам всё быстро поймёшь, если я скажу, что случилось Петруше Рычалову быть другом детства самого государя-императора.

– Вот как... – протянул Разгуляев. – Ну, тогда всё понятно.

– Странный он, однако, малый, – продолжил Конни. – В молодости был далеко не глуп. Поговаривают, даже окончил два курса Санкт-Петербургского университета. Но я его встречал уже в мундире лейб-гвардейца. Отличился во время компании против японцев. Сам, понимаешь ли, попросил направить его в действующую армию. За храбрость был отмечен Георгием. Вся армия в дерьме, а он с орденом! Был зачислен в Свиту, но неожиданно подался в жандармы. Извини, Коленька, не тебе в обиду сказано.

– Ладно, Саша, поступок и вправду странный. А уж с учётом того, чем он у нас в ОКЖ занимается... Ты в курсе?

– Признаться, нет.

– Так ведьмами, колдунами, случаями странными, бесовщиной, в общем, прости Господи!

– Даже так? А ты знаешь – я ничуть не удивлён! Но ведь тут и до святотатства недалеко.

– Вот и у нас кто-то так решил и донёс в Святейший Правительствующий Синод.

– И что?

– Обер-прокурор Синода Волжин обратился к царю и тот вроде как заколебался. Но за Рычалова заступился сам Распутин, и теперь у господина полковника все козыри на руках. В управлении его по-прежнему не жалуют, но только за глаза. При такой поддержке – сам понимаешь.

– Да, супротив Старца не попрёшь, – согласился Конни.

– Теперь видишь, мог ли я противиться? Но кое-чем я Ры-

чалову всё-таки отплачу. Агента-то я отправил, это так, а вот сопроводительные бумаги полковник ещё не скоро увидит!

Собеседники поднялись и их шаги стали удаляться. Викентьев же возрадовался: заниматься чертовщиной было ему по душе...»

Хотя в рукописи фигурировал полковник Рычалов, я несколько не сомневался, что под этой фамилией был укрыт тот, чьи шаги я слышал сейчас на лестнице – глава секретного подразделения главного жандармского управления Российской империи, полковник Пётр Евгеньевич Львов.

Глава шестая

ОЛЬГА

Я закрыла за доставившими банкетку грузчиками дверь, после чего направилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Яркий неестественный свет, пробивавшийся из-под двери, заставил меня ускорить шаг, а удар колокола – перейти на бег. Но когда я ворвалась в комнату, свет исчез, как исчез и Мишка, лишь Герцог прыгал около зеркала и отчаянно скулил. Я плохо запомнила последующие несколько минут. Кажется, я выла, ругала Мишку последними словами, стучала кулаками о стены. Пришла в себя сидя на полу, вся в слезах и соплях, одна рука машинально гладит загривок лижущего мне щёки Герцога. Встала, пошла в ванную. Пока умывалась и хоть как-то приводила себя в божеский вид, успела прийти к мысли, что Мишка по доброй воле не мог так со мной поступить. Произошло что-то ему не подвластное. Но и в этом случае – свинья он порядочная. Как ни странно последняя мысль заставила меня даже слегка улыбнуться. Все мужики сволочи – однозначно! И что теперь мне, слабой женщине, прикажете делать? А ничего! Ждать пока он за мной вернётся. А если нет, то пусть больше на глаза мне лучше не попадается! После того как виновник моих слёз – чтоб ему там

икалось! – был предан суровому но справедливому товарищескому суду, стало сразу как-то легче. Тут же захотелось это усилить и закрепить, и я, глядя в издевательски незамутнённую поверхность треклятого зеркала, подмигнула своему отражению и спросила: «Ёшкин каравай! А не сделать ли нам новую причёску?» На что тут же получила вполне доброжелательный и весьма утвердительный ответ: «Разумеется, мы это заслужили. Кстати, я тут неподалёку заприметила один салон...»

Домой я возвращалась с изрядно похудевшим кошельком и в добром расположении духа. Во-первых, деньги были не мои, а Мишкины – компенсация за моральный ущерб. С него, олигарха грёбаного, не убудет. Во-вторых, новая причёска мне очень шла. Так считала я сама и те самцы, которые голосовали за это своими шеями, поворачивая их мне вслед вместе с закреплёнными на их конце тупыми головами. А чё? Они у них и в самом деле такие. Сама читала выдержку из милицейского протокола: «... Удар был нанесён твёрдым тупым предметом, возможно, головой...» В-третьих, в руке у меня фирменный пакет из гастронома на углу. А в нём всё то, что так вредно для моей фигуры. Ничё, сегодня расслабляюсь, потом три дня гоняю фигуру до седьмого, нет, мало, до двенадцатого поту, она про эти лишние калории и не вспомнит.

До дома оставалось пара шагов. Перейти улицу, а там рукой подать до знакомой арки. Красненькие цифры на ин-

формационном табло светофора худеют на глазах. Спрашивается, куда с такой скоростью несётся тот симпатичный автомобильчик? Рассчитывает проскочить? Наивняк! Видимо, та же мысль приходит в голову и водителю злополучной машины. Начинает отчаянно тормозить. Делает это крайне неумело и, похоже, теряет управление. Машину несёт прямо на меня, скромно стоящую у края тротуара. Кто-то кричит, но не я. Я отскакиваю назад и оказываюсь за очень кстати на этом месте оказавшимся столбом. Ему-то отскакивать некуда и он принимает удар на себя. Хрясь! Не то чтобы очень сильно. Не вовсе всмятку. Но правую переднюю дверь, того же наименования крыло точно придётся менять. И много ещё чего другого. Вокруг уже собирается толпа. Мне сочувствуют, – лучше бы столбу посочувствовали – водителя ругают. Он, вернее она, слава богу, жив. За тонированными стёклами всего не разберёшь, но, похоже, выручила подушка безопасности.

– С вами всё в порядке?

Поворачиваюсь на голос. Мишкиного возраста, интеллигентен, очкаст, а спросил глупость. Видит же, что моя реакция и прочность столба оказались на высоте.

– Спасибо, – говорю, – всё хорошо.

Водитель, наконец-то, покинул салон. Глаза бессмысленные, локоны белокурые, похоже, натуральные. Классический расклад! Визгливый старушечий голос рядом:

– Товарищ милиционер, она чуть эту женщину не сбила!

Значит представители власти уже на месте. Оперативно! Но только мне все эти разборки ни к чему. Заявляю решительно:

– Никто на меня не наезжал и не пытался! Наехали на столб. Так что все вопросы по поводу претензий к водителю – к нему!

Решительно выбираюсь из толпы и направляюсь к арке. Сзади что-то кричат, но за руки не хватают. Но интересно не это, интересно другое. От самого перекрёстка за мной кто-то идёт. Поднимаюсь по лестнице со стороны чёрного хода и слышу, как хлопает входная дверь. Вот это уже наглость! На площадке второго этажа перегорела лампочка. Очень кстати! Маскируюсь в тени. Осторожные торопливые шаги. Очкарик, тот самый, с перекрёстка! Начинает подниматься на третий этаж, выглядывает, где там я? А я здесь!

– Вы не меня ищите?

Вздрагивает, – ещё бы! – поворачивается, делает шаг, всматриваясь в темноту. Выхожу из тени, руки – пакет давно стоит у стенки – свободны, но ненадолго. Теперь в них очкарик, в моих надёжных спецназовских ручках. Прижимаю интеллигента к стенке, слегка встряхиваю и нежно мурлыкаю:

– Котик, что тебе от меня надо? Зачем ты за мной следишь?

Ещё до того, как ответил, по его глазам, в которых что угодно, только не замешательство, понимаю, что прокололась и ослабляю хватку.

– Вообще-то, я тут живу, этажом выше вас.

То-то лицо мне показалось знакомым! Отпускаю, бормочу извинения, поправляю слегка потерявший форму ворот пальто.

– А вы не спешите извиняться, Ольга, – сразу напрягаюсь, но руки пока в ход не пускаю, пусть договорит, – в данном случае я действительно шёл за вами.

Видимо что-то прочёл на моём лице и поспешил добавить банальность:

– Это совсем не то, что вы подумали.

Я внутренне хмыкаю. Тоже мне, Вольф Мессинг нашёлся. Мысли он мои читает. Но молчу.

– Мне просто надо с вами поговорить.

Милый мой, это как раз то, о чём я и подумала. Не в уха-жёры же ты мне набиваться хотел, глиста очкастая? Куда тебе супротив моего Васича. Усмехаюсь и многозначительно произношу:

– Ну, пошли.

Ещё возле вешалки мой странный гость стал косить глазом в направлении лестницы на второй этаж. Выходит, что-то знает? Будем колоть! Я провела хлюпика на кухню, предложила: ни чаю, ни кофе, а лишь присесть – села сама и произнесла сакраментальное:

– Ну?

И я ещё хотела его колоть! Через пять минут у меня уже голова пухла от потока информации, а он всё лил и лил воду

на непрочную мельницу моего восприятия. Когда я поняла, что плотину вот-вот прорвёт, я крикнула:

– Стоп!

Очкарик замер с открытым ртом, в котором застряло последнее слово.

– Стоп, – уже более спокойно повторила я. – Давайте разложим по полочкам то, что вы успели сказать. Я буду говорить, а вы меня поправляйте, если что не так, лады?

Он уже успел закрыть рот, потому лишь утвердительно кивнул.

– Вас зовут Игнат Семёнович...

– Степанович, – поправил он меня. – Игнат Степанович.

– Вас зовут Игнат Степанович. Вы учёный, подвинутый на паранормальных явлениях. По этому поводу вы даже лежали в психушке.

Он хотел было возразить, но потом махнул рукой.

– Всё так.

– Вы являетесь членом подпольной организации...

Вот тут он возразил весьма решительно.

– Прошу прощения, но не подпольной, подполье где-то рядом с политикой, а неформальной, не афиширующей свою деятельность.

Я не заметила большой разницы, но и спорить не стала.

– Хорошо, пусть будет неформальной. Ваша организация, среди прочих объектов, следит и за квартирой, где мы сейчас находимся, потому что вам кажется, что здесь присутствует

какая-то чертовщина.

Игнат Степанович страдальчески поморщился, но подтвердил:

– Ну, да, да, где-то так.

– Для удобства наблюдения вы даже сняли квартиру этажом выше и установили там круглосуточный пост.

– Именно так, – кивнул Игнат Степанович.

– Не далее как вчера ваши приборы – я правильно поняла: у вас там установлены какие-то приборы? – он кивнул, – зафиксировали сильный всплеск неизвестного науке вида энергии.

– Не совсем так, – попытался поправить меня Игнат Степанович. – Это не неизвестный, а один из непризнанных официальной наукой видов энергии, так называемая...

– Стоп! – опять крикнула я, и он опять замолк с открытым ртом, так и не произнеся ничего не говорившее мне слово. – Для чего мне вникать в ваши научные разборки? Неизвестным я называю тот вид энергии, про который лично я ничего не знаю.

Учёный прыщ посмотрел на меня как-то странно, мне показалось, что с уважением, и кивнул головой.

– Тогда, да.

– Вот и славно, вот и договорились, – мне сразу полегчало. – Теперь вы хотите узнать, что же тут произошло, чтобы удовлетворить своё учёное любопытство?

– И, возможно, уберечь вас от большой опасности! – до-

бавил он.

Я скептически осмотрела его щуплую фигуру. По-моему, уберечь – это не по его части. Однако совет мне таки нужен. И раз он всё одно уже слывёт сумасшедшим, почему бы мне ему всё не рассказать? Не вдаваясь в детали, конечно. И я поведала Игнату Степановичу и про ребят, и про колокол, и про зеркало. Он слушал с блеском в глазах и периодически бормотал плод нос: «Замечательно!» «Великолепно!» Когда я закончила говорить, то хмуро поинтересовалась, что в моём печальном рассказе так его восхитило?

– Конечно не ваше горе, голубушка Ольга Владимировна! – прижав руки к груди, заверил он. – Мои неуместные на ваш взгляд отклики на эту действительно печальную историю относятся к скрытой ещё пока от вас другой её ипостаси!

– И какой же? – глядя в его бесстыже блестящие глазки спросила я.

– С точки зрения исповедуемого нами воззрения – она замечательна! – И тут же поспешил добавить, видя, что моё лицо становится всё суровее: – Нет, право. Пусть для вас четверых – я подчёркиваю, не троих, а именно четверых! – это, конечно, драма. Драма, а вовсе не трагедия, как вам представляется. Ведь вы все живы. Да, да, живы все! И я это вам сейчас докажу! Вы позволите теперь изложить вашу историю в моём, так сказать, понимании?

– Валяйте, – всё ещё хмуро разрешила я.

Он ненадолго задумался, видимо делал перевод своей речи с учёного на человеческий язык, потом заговорил:

Все мы, живущие на Земле, находимся «под колпаком» у некого Могущества. Кто-то именует его Богом, а я, с вашего позволения, назову Мировым разумом. В начале XX века не без его согласия – а как иначе-то? – было запущено пресловутое Красное колесо, как поименовал его Александр Исаевич Солженицын. И начало оно свой бег по странам и континентам с того, что исполосовало своим раскалённым ободом вдоль и поперёк Российскую империю, а потом очертило вокруг её развалин границы нового мира. Спустя семьдесят лет колесо было остановлено, притом, там же, где и было запущено. Великий эксперимент закончился неудачей. – Заметив моё недовольство, червь учёный поспешил внести поправку. – Согласен, голубушка, что и грешно, и цинично так говорить, учитывая миллионы загубленных жизней, но для краткости позвольте мне помянуть беду лишь этим упоминанием. Не об том, извините, речь. А вот то, что Мировой разум вряд ли предполагал подобный исход, давая разрешение на начало эксперимента, мне кажется, мы вполне допустить можем. Как вы думаете?

Не знаю, что он хотел от меня услышать, но, судя по его вытянувшемуся лицу, вряд ли то, что произнесла я:

– Думать я пока ещё не начала. Начну, когда услышу, какое отношение вся эта лабуда имеет ко мне и ребятам. И имей в виду: моё терпение на исходе!

Печально вздохнув, мой учёный собеседник покорно кивнул.

– Хорошо. Перехожу сразу к сути. После 1917 года человечество пошло не по тому пути. Мировой разум решил создать параллельную ветвь истории, в которой Красное колесо будет катиться как-то иначе. Для придания нужного импульса из будущего изымается группа «попаданцев» – извините, термин не мной придуман – и переносится ближе к точке начала изменения. Не спрашивайте, почему выбрали именно вас и почему именно сейчас, а не годом или десятилетием раньше или позже.

– Не буду, – кивнула я, – но всё-таки – почему?

Вот что значит питерский интеллигент! Глеб на этом месте обязательно бы сорвался, а этот ничего, только погрустнел ещё больше.

– Точно я, конечно, не знаю. Предположим, что кто-то из вашей четвёрки внешне похож на реальную историческую личность. Их меняют местами, а остальных отправляют в прошлое как бы на подмогу.

– Ёрш! – воскликнула я.

– Вы имеете в виду Николая Ершова? – уточнил Игнат Степанович. – Это весьма вероятно. На месте его якобы гибели находят останки человека из прошлого, а он сам оказывается вместо него в будущем.

В моей голове стало проясняться. Ну, конечно, всё так и есть! Вот только...

– С ребятами всё ясно. Теперь я уверена, что они там, в прошлом. Но почему вы думаете, что и я должна присоединиться к ним?

– Во-первых, вы и сами так думаете, – ответил Игнат Степанович. – Во-вторых, я не утверждаю, что вы обязательно попадёте к ним. – Заметив мою реакцию, поспешил добавить: – Но это более чем вероятно! Ключевым моментом я считаю происшествие на берегу реки, вы ведь тогда впервые слышали колокол? – Я кивнула. – Звук колокола, скорее всего, является неким атрибутом перехода. Все, кто его слышал, будут втянуты во временную воронку.

Не могу сказать, что объяснение показалось мне убедительным, но очень хотелось, чтобы так оно и случилось, и я поверила. Но кое-что хотелось уточнить.

– Как вы думаете, после выполнения миссии мы вернёмся назад?

Учёный посмотрел на меня печальными глазами.

– Боюсь, что нет; не буду врать, я уверен, билеты вам выписаны в один конец.

– Но в кино... – растеряно произнесла я.

– Причём тут кино? – удивился мой собеседник. – Хотя... Видите ли, я допускаю, что «попаданцы» могут вернуться в свою эпоху, но при условии, что они никак не изменили прошлое. А это возможно лишь в том случае, если они попали туда случайно и на очень короткий промежуток времени. У вас же совсем иная миссия. Вам суждено стать частью

нового мира, и старый мир вас обратно не примет. Зачем далеко ходить? Вы ещё здесь, но другой мир уже заявил на вас права, и этот мир вас отторгает.

– Вы имеете в виду случай на улице? – догадалась я.

– Именно! – воскликнул Игнат Степанович.

Я с сомнением покачала головой.

– Так или иначе, но вам больше не следует покидать квартиру, – убеждённо сказал учёный. – И в целях безопасности, и в виду того, что проход может открыться в любую минуту. Всё необходимое вам будут доставлять члены нашей организации.

– Ну, хорошо, – согласилась я. А как вы предполагаете объяснить наше исчезновение?

– Конечно, это будет несколько хлопотно, – ответил Игнат Степанович, но при наших возможностях мы что-нибудь придумаем. Я думаю, наследники Михаила Макаровича не сильно пострадают, если им не достанется автомобиль?

– Думаю, нет, – ответила я. – Понимаю. Вы выкупите из морга два бесхозных трупа и организуете для них автомобильную катастрофу.

– Ну, как-то так, – кивнул Игнат Степанович.

Я решительно достала остатки позаимствованных у Михаила денег и протянула учёному.

– Это на расходы!

– Но это много, – испытывая неловкость, ответил он.

– То, что останется, употребите на нужды вашей органи-

зации, – твёрдо сказала я. – И не беспокойтесь, на наследстве это отразится крайне мало.

Игнат Степанович принял деньги и посмотрел на меня.

– Вы что-то ещё хотите спросить?

– Да. Скажите...

Глава седьмая

ГЛЕБ

Тук-тук, ...тук-тук. Тук-тук, ...тук-тук. Нет, правильнее всё-таки, стык-стык, ... стык-стык; стык-стык, ... стык-стык. Брось, Глеб Васильевич, фигнёй маяться. Оставь колёса в покое. Пусть стучат, как хотят. Лишь бы катились, унося прокуренный вагон подальше от затерянной в Барабинской степи станции Каинск-Томский, где так неровно прожил ты несколько последних недель...

Если и оставались у меня какие сомнения, канули они в Зазеркалье, откуда смотрел на меня растерянным взглядом заметно помолодевший Глеб Абрамов. Пришла пора крепко подумать. Чем я и занялся сразу после завтрака, который прошёл в неловком молчании. Щёки Вари вспыхивали при каждом моём слове, взгляде, и я постарался ограничить и то, и другое. Наскоро поев, я сослался на недомогание и укрылся в комнате, где оседлал единственный стул и погрузился в размышления. Варя, видимо, боясь меня побеспокоить, где-то притаилась, и тишину нарушали только

скрип снега под ногами редких прохожих за окном и мерный стук ходиков за стеной. В такой обстановке думалось вольготно, и уже к обеду распорядок жизни на ближайшее время был составлен. Цель номер один: к началу февраля 1917 года попасть в Петроград. И хорошо не одному, а с небольшим отрядом. Для этого мне нужно легализоваться, влиться в ряды местных большевиков, принять на себя обязанности по формированию Красной Гвардии, и уже внутри этого процесса сколотить группу преданных мне душой и телом бойцов. Варя в этот план никаким боком не вписывается. Поэтому в ближайшее время нужно сменить квартиру. При этом Варю не обижать – дистанцию устанавливать постепенно. К исполнению плана приступить незамедлительно.

За обеденный стол сели уже втроем: Василий Митрофанович вернулся из поездки. Кушали обстоятельно, обмениваясь лишь короткими фразами. Машинист то и дело кидал озабоченный взгляд на дочь – девушке плохо удавалось скрывать своё смятение. Когда хозяин насытился, я решил задать интересующий меня вопрос:

– Василий Митрофанович, я, как вы знаете, остался без документов. Не посоветуете, как мне паспорт выправить?

Машинист на какое-то время задумался, потом встал из-за стола.

– Вот что, Глеб Васильевич. Вопрос твой мне понятен, но ответ я смогу дать только после того, как посоветуюсь со знающими людьми. Придётся тебе чуток потерпеть.

Сказал, оделся и ушёл. Видимо, к нужным людям. А мы с Варварой остались вдвоём. Молчать под робкие взгляды и потаённые вздохи было неловко, и я спросил Варю, какие книжки она любит читать? Среди названных авторов знакомых было крайне мало. Но я выяснил, что с сочинениями господина Дюма-отца Варвара не знакома вовсе. Я тут же предложил ей послушать историю моряка из французского города Марселя Эдмона Дантеса. Никогда не считал себя хорошим рассказчиком, но Варя слушала затаив дыхание. Я ещё не успел пересказать содержание первого тома «Графа Монте-Кристо», когда вернулся Василий Митрофанович. Варя тут же занялась приготовлением ужина, а машинист сел напротив меня за стол и негромко сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.